

Л.Е. Гринин

РАННИЕ ГОСУДАРСТВА И ИХ АНАЛОГИ В ПОЛИТОГЕНЕЗЕ: ТИПОЛОГИИ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Предварительные замечания и дефиниции

Анализ литературы, посвященной сложным обществам, а также наши собственные исследования показывают, что, достигая определенных размеров и социокультурной сложности, с которых переход к раннему государству в принципе уже возможен, общество может продолжать развиваться, но при этом долго не создавать раннегосударственную политическую форму (см., например: [Гринин 2007а; 2007б; Grinin 2009а]). Отсюда следует, что: а) процесс политогенеза необходимо рассматривать как многолинейный, как движение в рамках постоянного выбора альтернатив и моделей; б) раннее государство не являлось единственной формой политической организации усложнившихся обществ; в) было много иных типов политий, длительное время составлявших альтернативу раннему государству. Причем эти модели далеко не всегда находились в оппозиции, а часто интегрировались и переходили друг в друга.

Сложные негосударственные общества, которые по целому ряду параметров были сравнимы с ранними государствами, названы нами **аналогами раннего государства** (см. ниже). В первом разделе настоящей статьи рассмотрены некоторые аспекты сходств между различными типами сложных обществ, обоснована необходимость введения понятия аналогов ранних государств как стадияльно-эволюционной альтернативы ранним государствам.

В целом статья посвящена анализу и описанию различных форм аналогов ранних государств (первая часть статьи) и их скрупулезному типологическому сравнению с ранними государствами (вторая часть статьи). В разделе «Вместо заключения» описаны некоторые условия и модели возникновения ранних государств.

Поскольку общепринятого определения государства нет, в рамках настоящей статьи используются следующие дефиниции.

Государство — это категория, с помощью которой обозначается система специальных (специализированных) институтов, органов и правил, обеспечивающая внешнюю и внутреннюю политическую жизнь общества; данная система в то же время есть отделенная от населения организация власти, управления и обеспечения порядка, которая должна обладать следующими характеристиками: а) суверенностью; б) верховностью, легитимностью и реальностью власти в рамках определенной территории и круга лиц; в) возможностью принуждать к выполнению своих требований, а также изменять отношения и нормы.

Раннее государство — это категория, с помощью которой обозначается особая форма политической организации достаточно крупного и сложного аграрно-ремесленного общества (группы обществ, территорий), определяющая его внешнюю политику и частично социальный и общественный порядок; эта политическая форма в то же время есть отделенная от населения организация власти: а) обладающая верховностью и суверенностью (или хотя бы автономностью); б) способная принуждать к выполнению своих требований; менять важные отношения и вводить новые нормы, а также перераспределять ресурсы; в) построенная (в основном или в большей части) не на принципе родства¹.

Под **аналогом раннего государства** понимается категория, с помощью которой обозначаются различные формы сложных негосударственных обществ, сопоставимых с ранним государством (но обычно не выше уровня типичного раннего государства) по размерам, социокультурной и/или политической сложности, уровню функциональной дифференциации и масштабам стоящих перед обществом задач, однако не имеющих хотя бы одного из перечисленных в дефиниции раннего государства признаков.

Под **политогенезом** понимается: а) процесс выделения в обществе политической стороны и формирования политической системы как самостоятельных и частично автономных структур; б) процесс появления особых властных форм организации общества, что связано с концентрацией власти

и политической деятельности (как внутренней, так и внешней) в руках определенных групп или слоев. Государствогенез является только частью процесса политогенеза (см. подробнее: [Гринин 2001–2006; Гринин, Коротаев 2009; Grinin 2009a; Grinin, Korotayev 2009]).

Наконец, одно техническое замечание. Для того чтобы избежать повторения в тексте большого количества ссылок на собственные работы, а также облегчить восприятие материала, там, где требуются ссылки на многие наши работы, мы будем делать ссылки следующим образом (см.: [Гринин разл. работы]). Это значит, что данный вопрос в том или ином виде поднимается в большинстве наших публикаций (на русском и английском языках), приведенных в библиографии к статье. Другой вариант: [Гринин 1997 и др. соч.] — значит данная тема исследуется в наших работах с 1997 г. постоянно.

АНАЛОГИ РАННЕГО ГОСУДАРСТВА КАК СЛОЖНЫЕ НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБЩЕСТВА

I. СЛОЖНЫЕ ОБЩЕСТВА: СТАДИАЛЬНЫЕ СХОДСТВА И ЭВОЛЮЦИОННЫЕ РАЗЛИЧИЯ

1. Аналоги раннего государства как эволюционно альтернативные раннему государству формы

Очень часто общество называется государством без достаточных для этого оснований, просто исходя из того, что если оно уже очевидно не является догосударственным, то ничем иным, как государством, оно быть не может. Мы же исходим из того, что в процессе политогенеза длительное время имелось много форм, которые можно рассматривать как находящиеся на одном уровне сложности с ранним государством. Данные формы длительное время сосуществовали и конкурировали, причем для многих особых экологических и социальных ниш немагистральные в ретроспективе (по сравнению с ранним государством) линии, модели и варианты могли оказаться более конкурентоспособными и адекватными [Гринин 2011: гл. 3, 5]. В частности, кочевые общества

в военном отношении нередко превосходили своих более развитых в социальном и культурном плане оседлых соседей, но в то же время сохраняли такие формы организации общества, которые были реальными альтернативами государственной организации [Irons 2004: 472; см. также: Коротаяев и др. 2000; Крадин, Бондаренко 2002; Хазанов 2008].

Но кочевые общества в этом плане вовсе не были исключением. Известно множество исторических и этнографических примеров политий, которые, с одной стороны, по политическому устройству, структуре власти и управления существенно отличались от раннего государства, но не уступали раннегосударственным системам по размерам, социокультурной и/или политической сложности, а также функционалу². Однако, с другой стороны, по указанным параметрам (размерам, сложности и т.д.) данные негосударственные общества существенно превосходили типичные догосударственные образования (такие как сообщества во главе с бигменами, простые вождества, независимые деревенские общины или даже среднесложные общества вроде небольших гражданско-храмовых, «городских» и относительно крупных сельских общин). Например, самое крупное гавайское сложное вождество имело население 100 тыс. или более, в то время как типичное простое вождество на Тробриандских островах имело население 1 тыс. человек [Johnson, Earle 2000: 267–279, 285, 291].

Такие общества, находящиеся на одном уровне социокультурного и/или политического развития с раннегосударственными обществами, мы предложили называть **аналогами раннего государства** (см.: [Гринин 1997 и др. соч.]).

Отсюда следует, что как собственно ранние государства, так и их аналоги правомерно рассматривать в качестве политий, находящихся на одной и той же — *сложных обществ* — стадии политогенеза.

При этом появление аналогов раннего государства вовсе не было исключением из правил. Напротив, именно образование раннего государства долгое время было более редким явлением в политогенезе. *И только в длительной эволюционной перспективе государство доказало свои преимущества* (см.: [Гринин 2001–2006; 2006в; Grinin 2003; Гринин, Коротаяев 2009]).

2. Сходство в функциях

Несмотря на различия в механизмах регулирования социально-политической жизни, и в ранних государствах, и в их аналогах обеспечивалось осуществление функций примерно одинакового уровня сложности (см., например: [Гринин 2001–2006 и др. соч.]). Среди этих функций можно выделить:

— создание минимального политического и идеологического единства и сплоченности в разросшемся обществе (группе близких обществ) для решения общих задач;

— обеспечение внешней безопасности или условий для экспансии достаточно крупного социума (как минимум многих тысяч человек, а достаточно часто десятков и даже сотен тысяч человек);

— обеспечение социального порядка и перераспределения необходимого и прибавочного продукта в условиях заметного уровня развития социальной стратификации и функциональной дифференциации, а также усложнившихся задач;

— обеспечение минимального уровня управления обществом, включая нормотворчество и суд, а также выполнение населением необходимых общественных повинностей (военной, имущественной, трудовой);

— создание условий для воспроизводства хозяйства (особенно там, где требовалась координация общих усилий).

3. Отличия сложных обществ от обществ догосударственной фазы

Сложные общества, то есть ранние государства и их разнообразных аналогов, имели общие отличия от всех обществ догосударственной фазы политогенеза, превосходя их по следующим параметрам (подробнее см.: [Гринин 2011: гл. 5: 235–240]).

1. *Численность населения*: сложные общества превосходят простые на порядок; нередко (но не всегда) то же относится и к размерам контролируемой политикой территории³.

2. *Объем относительно избыточного продукта* возрастает на порядок, что дает материальную основу для развития стратификации, редистрибуции и организации надобщинных дел.

3. *Уровень сложности общественной организации*: в том числе происходит увеличение уровней сложности организации и управления обществом.

4. *Усложнение и рост значения отношений и институтов, связанных с регулированием социально-политической жизни:*

а) деление общества на два или более слоя, различающихся по (формальным и/или неформальным) правам, обязанностям и функциям;

б) изменение взаимоотношений элиты и населения (в плане роста неэквивалентности обмена «услугами») или кардинальный рост функциональной дифференциации;

в) существенное изменение традиций и институтов, связанных с регулированием социально-политической жизни;

г) появление идеологии, оправдывающей и легитимизирующей социально-политические изменения в обществе⁴.

4. Раннее государство среди других форм сложных обществ

Хотя ряд исследователей (например: [Claessen 1978: 586–588]) высказывается в том смысле, что вышеуказанные параметры сложности отличают именно ранние государства (и только их) от догосударственных обществ, очевидно, что в качестве эксклюзивных признаков, по которым раннее государство отличается от типично догосударственных форм политий, они не годятся, поскольку в равной степени принадлежат как ранним государствам, так и сложным, но негосударственным обществам — аналогам ранних государств⁵. Это доказывается также и тем, что не только аналоги государства могли становиться государствами, но и — хотя и в более редких случаях — наоборот: ранние государства превращались в аналоги (см., например: [Коротаяев 2000а: 224–302; Трепавлов 1995: 144–151; Leach 1970; Скальник 1991]).

Однако можно ли выделить такие эксклюзивные признаки ранних государств, которые позволяли бы отличать ранние государства одновременно и от типично догосударственных политий, и от аналоговых негосударственных политий?

Попытки найти их в совокупности с господством однолинейного взгляда на эволюцию (см. критику этого взгляда: [Гринин 2011: 41–55]) приводят к тому, что аналоги ранних государств часто, но совершенно ошибочно относят к стадияльно догосударственным формам. Однако это неправомерно: есть негосударственные общества простые (примитивные), а есть сложные, по уровню сравнимые с ранними

государствами. И это принципиально разные по эволюционному уровню и возможностям общества. Вот почему любые попытки сформулировать какие-то четкие и единые признаки, отличающие ранние государства от всех негосударственных обществ (как простых, так и сложных аналоговых), обречены на неудачу.

На самом деле различение сложных и простых обществ и различение ранних государств и их аналогов представляет собой разные методологические процедуры, которые должны выполняться последовательно⁶. Есть вышеуказанные (в п. 3) признаки, которые отличают все сложные политии (включая раннее государство) от политий простых. И только после разделения простых и сложных обществ можно пытаться типологически выделять среди сложных обществ ранние государства. Но для этого нужны иные методы, чем при сепарации простых и сложных обществ. Во второй части статьи на основании оговоренных методов сформулирована система критериев-признаков, с помощью которых можно достаточно четко различать между собой ранние государства и их аналоги, затем с их помощью ранние государства и их аналоги последовательно сопоставляются.

Предварительно укажем, что *раннее государство отличается от других (стадиально ему равных) форм* главным образом не размерами, уровнем сложности организации и решаемых задач, а *совокупными особенностями* политического устройства и управления, что *проявляется в:* 1) *росте значения верховной власти;* 2) *большей ее способности перестраивать традиционную структуру общества;* 3) *появлению или закреплению новых способов управления обществом (включая новые методы подбора управленческих кадров);* 4) *большей формализации политических и управленческих решений, включая возможность делегирования власти.*

II. АНАЛОГИ РАННЕГО ГОСУДАРСТВА: КЛАССИФИКАЦИЯ

1. Основная типология

Уместно подчеркнуть, что главный интервал размеров аналогов находился в амплитуде от 15 до 70 тыс. человек.

Но было немало аналогов размером менее 15 и даже заметно менее 10 тыс. человек. Имелось определенное количество и более крупных аналогов, некоторые из них достигали сотен тысяч и даже миллионов человек. Классификацию государств и их аналогов по размерам см. во второй части статьи.

Принципы основной типологии

Следует учитывать, что приведенные ниже в примерах аналоги сильно отличаются друг от друга по развитости и размерам. Однако во всех случаях речь идет либо об унитарных полициях, либо о прочных политических союзах с институционализированными способами объединения. Указанные союзы имели какие-то общие верховные органы и механизмы, поддерживающие политическую устойчивость, и представляли, по крайней мере с точки зрения иных обществ, некое постоянное единство. Народы, имеющие только культурное единство, а политически способные объединяться лишь кратковременно для определенных действий (вроде нуэров, например: [Эванс-Причард 1985], или некоторых этнических групп Магриба, например: [Бобровников 2002]), не образуют полиции, а следовательно, их нельзя считать аналогами раннего государства.

Все аналоги, как сказано выше, отличаются от ранних государств особенностями политического устройства и управления. Однако в каждом типе аналогов это проявляется по-разному. Например, в самоуправляющихся общинах недостаточно прослеживается отделение власти от населения; в конфедерациях налицо слабость централизации власти; в управляемых аристократическими кланами полициях фиксируется тенденция, с одной стороны, к ослаблению центральной власти, а с другой — к концентрации силы в руках кланов и т.п. Поэтому мы старались типологизировать аналоги по особенностям их политической формы, хотя полностью провести этот принцип достаточно трудно.

Нами выделены **следующие типы аналогов**.

1. Некоторые сложные самоуправляющиеся общины и территории, конфедерации общин или территорий.
2. Некоторые большие варварские («племенные») союзы с достаточно сильной властью верховного вождя («короля», хана и т.п.).

3. Большие этнополитические («племенные») союзы и конфедерации, в которых королевская власть отсутствовала.

4. Очень крупные, сильные в военном отношении государствоподобные объединения кочевников, внешне напоминавшие крупные государства.

5. Крупные и очень крупные сложные вождества.

6. Крупные и развитые политии, структуру которых сложно точно описать вследствие недостатка данных, однако, судя по тому, что известно, они не подходят ни под понятие «догосударственные образования», ни под определение государства.

7. Иные, специфические, формы аналогов (также следует иметь в виду, что многие исчезнувшие формы аналогов остались для нас неизвестными).

Далее мы рассмотрим их подробнее.

1. Самоуправляющиеся сложные общины и территории

1а. Городские и полисные общины. Примерами таких самоуправляющихся городских общин являются города этрусков (о них далее) и некоторые (но именно некоторые, а не все) греческие полисы⁷; гражданско-храмовые общины древней Южной Аравии (см.: [Korotayev et al. 2000: 23; Коротаев 1997: 136–137; 2000б: 266]). Одной из таких гражданско-храмовых общин древней Южной Аравии можно считать Райбун (I тыс. до н. э.), который включал комплекс храмов и сельскую территорию в обширном оазисе на площади до 15 км². Райбун обладал сакральным статусом также и в глазах своих соседей [Frantsuzov 2000: 259, 264; Французов 2000: 310]. Ведущую роль в делах играло жречество, среди которого было много женщин. По мнению С.А. Французова, в случае Райбуна мы имеем дело с системой, альтернативной государственной, с развитием, которое вело к возникновению высокоорганизованной культуры, но без формирования политических институтов, отделенных от общества. Однако — и это очень интересно — он считает, что такой тип социальной организации мог существовать только в сравнительной изоляции от окружающих государств, а неумение вести войну и предопределило его падение в первом же серьезном конфликте с ними [Frantsuzov 2000; Французов 2000]. Подобная корреляция между отсутствием войн и особыми политическими формами

прослеживается также и в некоторых других аналогах, в частности в Исландии (см. далее).

1б. Достаточно крупные самоуправляющиеся переселенческие территории. Исландия X–XIII вв. дает нам образец такого аналога, а вместе с тем и пример превращения малого аналога в более крупный. Ее история также демонстрирует, как рост объемов и сложности общества постепенно все же склоняет развитие аналогов к государственности. В конце XI в. в Исландии насчитывалось примерно 4500 сельскохозяйственных дворов [Филатов 1965: 342], а население, вероятно, составляло около 20–30 тыс. человек. Затем оно сильно увеличилось и в XIII в. достигло 70–80 тыс. человек [Там же: 343]⁸. Соответственно изменилась и социальная структура общества. В начале XI в. было принято решение о разделе крупных земельных хозяйств знати (хавдингов) между протофермерами (бондами), который завершился в середине XI столетия [Ольгейрссон 1957: 179–191]. Таким образом, Исландия превратилась в общество бондов-«средняков». Однако через некоторое время вследствие роста населения число арендаторов («держателей») земли вновь стало увеличиваться, и в конце концов они начали составлять большинство населения. В результате уже в XII столетии имущественное и социальное неравенство вновь так усилилось, что стало влиять на трансформацию основных институтов исландского общества [Гуревич 1972: 8, 9; см. также: Хьяульмарссон 2003: 53–55]. Усилению неравенства в обществе и изменению структуры последнего также способствовало введение в самом конце XI в. церковной десятины [Там же: 50].

Необычайно ужесточились и кровавые раздоры, хотя ранее военные действия не были ни столь жестокими, ни столь массовыми (см., например: [Стеблин-Каменский 1971: 78]). Причиной междоусобиц среди хавдингов все чаще была жажда добычи и власти [Гуревич 1972: 9]. Таким образом, необходимый для формирования государства элемент социально-политического насилия, прежде в Исландии почти отсутствующий, стал усиливаться, что, несомненно, способствовало движению общества именно к государственности.

1в. Крупные группы различного рода изгоев, проживающих на определенной территории, имеющих собственные органы самоуправления и представляющих собой организо-

ванную и грозную военную силу. Например, донские и запорожские казаки⁹ и аналогичные им вольные люди вроде гайдуков или граничар, то есть жителей хорватско-сербской Крайны [Штырбул 2006: 222–226].

В какой-то мере к такого рода самоуправляющимся организациям могут быть отнесены различные организации пиратов, в частности береговые братства пиратов в Карибском море и некоторых других ареалах [Leeson 2007] (см. также: [Штырбул 2006: 227–243; 2007; Архенгольц 1991]).

2. Некоторые большие варварские («племенные») союзы с сильной властью верховного вождя («короля», хана и т.п.)

2а. Более или менее устойчивые этнополитические союзы, то есть объединения, этнически однородные или имеющие крепкое моноэтническое ядро. Примером могут служить некоторые германские объединения периода Великого переселения народов (бургунды, салические франки, остготы, вандалы и др.), численность которых составляла от 80 до 150 тыс. человек (см., например: [Бессмертный 1972: 40; Ле Гофф 1992: 33; Неусыхин 1968; Удальцова 1967: 654; Патрушев 2003: 14]; см. также: [Гомеров 2002: 279]); союзы некоторых галльских народов, в частности в Белгике и Аквитании (см.: [Шкунаев 1989: 140]). При этом у некоторых королей варварских образований времен Великого переселения народов личные дружины составляли несколько сот человек [Санников 2003].

2б. Очень крупные политии, возникшие в результате успешных войн, но непрочные и этнически разнородные. Примерами являются гуннский союз Аттилы V в. н. э. (см.: [Корсунский, Гюнтер 1984: 105–116; Голден 2004; Сиротенко 1975]), аварский каганат хана Баяна второй половины VI в. н. э. (см.: [Голден 2004]). Данных о структуре этих политий практически очень мало, однако имеются некоторые основания предполагать, что аварский каганат был более развитым и более близким к государственным образованиям, чем гуннская держава (см.: [Там же: 113–115]), поэтому неудивительно, что он был и более долговечным.

Близким к такому типу был союз во главе с готским вождем Германарихом в Северном Причерноморье в IV в. н. э., который состоял из многих разноязычных, чуждых друг дру-

гу племен, в том числе кочевых и земледельческих [Смирнов 1966: 324; Щукин 2005: 206]. Даже среди самих готских племен не было достаточного единства и прочных внутренних связей, не говоря уже о покоренных ими племенах (см.: [Буданова 1990: 133–136]), в том числе из-за своеволия аристократии [Тиханова 1958]. Но готы достигли более высокого уровня социальной стратификации и культурной сложности, чем гунны и авары [Там же; 1963], и они, как считает И.В. Зиньковская, стояли «между варварством и цивилизацией» [Zin'kovskaya 2004], поскольку приняли христианство в его арианской версии и использовали письменность. Влияние более высокой культуры скифо-сарматского мира и городов Северного и Западного Причерноморья (Ольвия, Тир, которые готы захватили около 260 г. н. э.) ускорило развитие готских племен [Тиханова 1963: 668]. Впрочем, черняховская культура, на части территории которой располагались готы, имела необычно высокий для варваров уровень цивилизации и владения «высокими технологиями» [Щукин 2005: 195] (о готах см. также [Сиротенко 1975: гл. I, II]).

2в. Союзы племен под руководством того или иного выдающегося лидера, состоящие из этнически близких народов, но не очень прочные, обычно распадающиеся после смерти лидера или даже при его жизни (как это случилось с союзом Маробода). Они являются как бы промежуточным типом между аналогами, описанными в пунктах «2а» и «2б». В I в. до н. э. — II в. н. э., например, у германцев возникали крупные союзы: свевский союз Ариовиста, союз херусков Арминия, маркоманский союз Маробода, батавский союз Цивилиса и другие (см. о них: [Неусыхин 1968: 601–602; Oosten 1996; Санников 2002; 2003; Буданова 2000; Колосовская 2000]).

О масштабах некоторых образований можно судить по союзу Маробода (конец I в. до н. э. — начало I в. н. э.). Маробод объединил маркоманов с лугиями, мугилонами, готами и другими германскими народами и создал крупную армию по римскому образцу, насчитывающую 70 тыс. пехоты и 4 тыс. конницы [Колосовская 2000: 42; СИЭ 1966: 123]. Другими примерами подобных аналогов являются гето-дакский союз Бурбисты I в. до н. э. (см. о нем: [Федоров, Полевой 1984; Колосовская 2000]) и объединение славянских

племен (Само) Богемии и Моравии VII в. н. э. (см.: [Lozny 1995: 86–87]).

2г. Крупные потестарные образования, которые удерживались в единстве в основном силой авторитета вождей, а не силой принуждения. Например, доинкское вождество Лупака (XV в.) в Перу имело население более 150 тыс. человек, и им управляли два верховных вождя без института принудительной силы, а специализированный и принудительный труд имел место, по сути, на основе взаимного согласия [Schaedel 1995: 52].

3. Большие этнополитические («племенные») союзы и конфедерации без королевской власти

В таких союзах и конфедерациях королевская власть иногда не существовала вовсе, а иной раз была упразднена в ходе тех или иных политических процессов. Формы и способы упразднения королевской власти могли быть разными. Достаточно частой причиной являлась борьба между усиливающим свою власть вождем и знатью, не желающей иметь над собой единоличного правления. Кандидаты в тираны могли свергаться или даже быть убиты (см., например: [Санников 2003])¹⁰.

3а. Этнополитические союзы без королевской власти.

Примерами могут служить саксы в Саксонии; эдуи, арверны, гельветы в Галлии. Причем необходимо особо подчеркнуть, что процессы социальной стратификации, имущественного расслоения и функциональной дифференциации у них (особенно у галлов) зашли весьма далеко и опережали политическое развитие.

У саксов (в Саксонии) до их завоевания Карлом Великим королевская власть отсутствовала, но во главе племенных подразделений стояли «герцоги». Общее военное командование осуществлял «герцог», избранный по жребию [Колесницкий 1963: 186]. Политическая организация всей территории осуществлялась в форме своеобразной федерации отдельных областей. Общие дела решались на собрании представителей областей в Маркло на Везере [Колесницкий 1963]. Саксы (за исключением рабов) делились на три социальных слоя: родовую знать (эделингов-нобилей), свободных (фрилингов-liberi) и полусвободных литов. При этом существовали резкие различия в правовом статусе между

нобиями и фрилингами [Неусыхин 1968: 608; СИЭ 1969а: 479], что было юридически закреплено в *Саксонской правде* [СИЭ 1969б: 475].

О высоком уровне социального развития у саксов говорит и такой общеизвестный факт, что в V–VI вв. н. э. часть их переселяется в Британию и образует там государства во главе с королями [Hunter Blair 1966: 149–168; Chadwick 1987: 71; Вильсон 2004: 22–27; Мельникова 1987: 8–11]. А на континенте еще в конце VIII в. у саксов не было достаточно сильной королевской власти. Все это подтверждает высказанную нами идею (см. заключение), что для образования государства, помимо объективных и конкретно-исторических условий, необходимы еще и экстремальные ситуации (триггеры).

Галлия времен завоевания Юлием Цезарем была очень богатой территорией с огромным населением (по разным подсчетам, от 5 до 10 и более миллионов человек [Бродель 1995: 61–62]), большим количеством городов, развитыми торговлей и ремеслами, население некоторых из них достигало десятков тысяч человек [Шкунаев 1989: 134, 143]. Площадь некоторых городов достигала 100 гектаров и более, и они были укреплены мощными стенами (см.: [Филип 1961: 116–129; Монгайт 1974: 248–253]).

Социальное расслоение было велико [Clark and Piggott 1970: 310–328]. По свидетельству Цезаря [Галльская война VI: 13], простой народ был лишен политических прав, жил на положении рабов, а многие, страдая от долгов и обид, добровольно отдавались в рабство знатым горожанам (см. также: [Леру 2000: 125]). В то же время знатные галлы имели по несколько сот, а самые знатные — по несколько (до десяти) тысяч клиентов и зависимых людей, из которых они формировали конное войско, заменявшее всеобщее ополчение и тем самым противостоящее основной массе галлов [Бесмертный 1972: 17; Цезарь. Галльская война I: 4]. Власть вождей слабела и переходила к выборным или назначенным магистратам [Chadwick 1987: 58]. В аристократических без королевской власти *civitas* (так римляне называли галльские полиитии по аналогии с названием своей) имелось военное единство, а механизмы принятия политических и иных решений реализовывались посредством одного или нескольких выборных магистратов — вергобретов [Шкунаев 1989:

139, 140, 144]. Однако привилегии аристократии были столь сильны, что она старалась свести политическую централизацию к нулю (см., например: [Леру 2000: 123–127]); кроме того, постоянное соперничество, возникавшее между знатными людьми за должности магистратов, приводило к распрям и вооруженным конфликтам [Тевено 2002: 137]. Аристократия пыталась ослабить центральную власть, поскольку боялась возможности появления монархии, к которой тяготел народ. Страх перед монархией (а кандидаты на престол или диктатуру во время войны с римлянами обозначались) у аристократии отдельных народов галльских политий (например, эдуев) был столь велик, что аристократы шли на стовор с римлянами (см. об этом: [Штаерман 1951]).

Численность отдельных племенных галльских союзов и конфедераций была очень большой. Например, число гельветов, которые стремились в 58 г. до н. э. переселиться в Западную Галлию, по разным данным, составляло от 250 тыс. до 400 тыс. (см., например: [Шкунаев 1988: 503]). Кроме того, среди крупных объединений выделялись своего рода гегемоны, от которых зависело много других племен. Как сообщает Цезарь [Галльская война VI: 11–12; I: 31], эдуи, победив своих соперников секванов, перед вторжением римлян приобрели гегемонию в Галлии и брали заложников из других племен для обеспечения их лояльности. Тем не менее во всех галльских общинах были сторонники как эдуев, так и секванов. Это несколько напоминает ситуацию во многих греческих полисах, жители которых делились на сторонников Афин и Спарты.

36. Конфедерации различных по форме обществ. Такие союзы порой образовывали весьма устойчивые и сильные с военной точки зрения политические образования. Например, конфедерации племен вроде ирокезской [Морган 1983; Фентон 1978; Vorobyov 2000], туарегов (по крайней мере некоторые из их конфедераций, см.: [Першиц 1968; Лот 1989; Кобищанов 1989; Хазанов 2008: 292–297]; см. также: [Гринин 1997: 28]), печенегов [Marey 2000; а также: Васютин 2002: 95]. Правда, тут уместно процитировать А.М. Хазанова, что большинство «федераций» и «конфедераций» (по крайней мере у кочевников) создавалось отнюдь не на добровольной основе [Хазанов 2006: 478]¹¹.

Зв. Конфедерации (федерации) городов. Примером служит этруская конфедерация. Сами этрусские города, в которых было олигархическое правление военно-служивой и жреческой знати [Неронова 1989: 376; Залесский 1959], скорее всего, не являлись государствами (насколько можно судить по скудным данным), а представляли собой аналоги малого государства. После изгнания царей в VI или V в. до н. э. в городах управляли аристократические органы, напоминающие сенат, и выборные магистраты. Сама по себе такая форма свойственна как государствам, так и аналогам, вопрос — в четкости ее организации и эволюционных перспективах. И судя даже по скудным данным, политическая эволюция Этрурии сильно отличалась от эволюции Рима. Создается впечатление, что изменения в политических порядках и военной организации были не слишком значительными и небыстрыми, как это и свойственно аналогам. Этому способствовала и аристократическая «вольница». Если, например, в Риме запрещалось занимать должности магистратов дважды, то в Этрурии известны факты, когда одни и те же должности занимались 7 раз [Макнамара 2006: 160]. Если в Риме пошли по пути расширения гражданских прав, то в Этрурии продолжали господствовать аристократические кланы, в отдельных случаях доведшие свои города до революций [Там же].

Федерация 12 этрусских городов представляла собой аналог уже среднего по размерам государства. Можно сравнить по эволюционному динамизму греческие и этрусские города. Первые смогли быстро создать военно-политический союз против Персии, а после победы над ней политическая жизнь Эллады вращалась вокруг борьбы двух крупных военно-политических объединений: Афинского морского и Пелопонесского союзов. Этрусские же города хотя и имели федерацию, но она была «преимущественно религиозным союзом» (см.: [Неронова 1989: 379]), причем города редко и с трудом объединялись для совместных действий, в большинстве войн воевали в одиночку или заключали союзы вообще с другими политиями [Макнамара 2006: 157]. И даже при римской угрозе этот союз не стал военно-политическим, что и явилось важнейшей причиной потери независимости Этрурией.

3г. Федерации (или конфедерации) политически независимых общин. Такие федерации, представляющие автономные сельские территории, известны, например, у горцев. При этом низовые члены такого союза могли быть как вождествами, так и безвождескими сложными самоуправляемыми общинами¹².

Яркие примеры таких конфедераций демонстрирует Нагорный Дагестан накануне его инкорпорации в Российскую империю (см.: [Агларов 1988]). Общины (джамааты), входившие в федерации (так называемые «вольные общества»), иногда и сами по себе представляли весьма крупные поселения (*аулы*). Некоторые общины насчитывали до 1500 и более домов [Там же], то есть были размером с небольшой полис, и имели многоуровневую (до пяти уровней) систему самоуправления [Там же: 186]. А федерация, иногда объединявшая по 13 и более аулов, представляла собой политическую единицу в десятки тысяч человек с еще более сложной организацией. Между семейными группами (тухумами) существовали социальное неравенство и различие в рангах [Там же]. Стоит отметить, что такие «вольные общества» в Дагестане сосуществовали с «ханствами», «уцмийствами» и прочими политиями (например, Кубинское, Кюринское, Дербентское ханства у лезгинов; Кайтагское уцмийство у даргинцев и т.д. [Сергеева 1988: 151; Османов 1988: 252]), которые были близкими по структуре к небольшим государствам или крупным вождествам.

Другим примером служат группы деревень (*village groups*) в Юго-Восточной Нигерии, нередко объединяющие десятки деревень с общим населением в десятки тысяч (предельно — до 75 тыс.) человек. Каждая такая группа деревень имеет собственное название, внутреннюю организацию и центральный рынок [McIntosh 1999: 9].

3д. Гетерархии. Общества, подобные описанным в пункте «3г», равно как и некоторые иные формы обществ, аналоговых раннему государству, являются, по классификации К. Крамли [Crumley 1995; 2001; Ehrenreich, Crumley and Levy 1995: 3] гетерархиями. Связи в гетерархиях в основном горизонтальные, решения принимаются на основе согласования между крупными единицами (общинами, различными корпорациями, союзами, профессиональными или религиозны-

ми объединениями и т. п.), на основе учета интересов, сложившихся традиций и механизмов и т.п.

«Такие гетерархические общества могут быть достаточно сложными, и их можно обнаружить по всему миру», включая азиатские общества, такие как некоторые сообщества качинов в Мьянме и многие африканские общества [Claessen 2004: 79].

4. Государствоподобные объединения кочевников

Исследователей всегда привлекали очень крупные и сильные в военном отношении объединения кочевников, внешне напоминавшие крупные государства. Многие, например А.М. Хазанов [1975; 2006; 2008; Khazanov 1978; 2008], рассматривают их как государства. Т. Барфилд называет их «имперскими конфедерациями» [2006] или «теневыми империями» [2009], а Н.Н. Крадин — «кочевыми империями» [1992]. Но, с точки зрения нашей теории, *их можно считать аналогами крупного раннего государства, относящихся к типу государствоподобных крупных образований* (см.: [Гринин 2008 и др. соч.]). К таким аналогам относится, например, «империя» хунну, образованная под властью шаньюя Моде в конце III в. до н. э. Возможно, в ней проживало 1–1,5 млн человек [Крадин 2001а; 2001б]. Она была настолько сильна, что китайцы сравнивали ее со Срединной империей, то есть с Китаем [Гумилев 1993: 53]. Такие крупные негосударственные образования Н.Н. Крадин обозначает как «суперсложные вождества», что, однако, не кажется нам очень удачным, поскольку такие политии не выглядят более сложными, чем, например гавайские, зато понятие вождества дополнительно размывается¹³.

По нашему мнению, государствоподобным аналогом вполне можно считать и Скифию VI–V вв. до н. э. Скифия была крупным иерархическим многоуровневым объединением, в котором обеспечивалось относительное военное и некоторое идеологическое единство и имелись отношения редистрибуции (в виде дани и повинностей). Скифия делилась на три царства во главе с царями, один из которых, по видимому, был верховным правителем. Существует также мнение, что в целом Скифия управлялась обособленным царским родом, который правил по принципам улусной системы (см.: [Хазанов 1975: 196–199; 200; Гуляев 2005: 239]).

Цари имели собственные военные дружины. У скифов выделялись аристократия и жрецы, хотя и не ясно, представляли ли они обособленное сословие или в организации были подобны волхвам (см., например: [Гуляев 2005: 324]; см. также: [Мурзин 1990: 71–72]). Аристократы имели частные дружины воинов и большие богатства. Скифия, по мнению М.И. Ростовцева, А.И. Треножкина и некоторых других исследователей, представляла собой организованное на военный лад сложное общество, где военачальники-аристократы собирались вместе со своими дружинами по призыву царя на крупные военные мероприятия. Аристократия жила за счет доходов от собственного хозяйства, дани и военной добычи (см.: [Гуляев 2005: 236–238]). Но в остальном жизнь общества со стороны власти регулировалась слабо¹⁴. Словом, методы управления в Скифии оставались еще в основном традиционными, негосударственными, и она представляла собой политику, у которой внешние функции были развиты гораздо сильнее, чем внутренние (даже если к внутренним относить сбор дани). Скифия в своей организации весьма напоминает другие аналоги раннего государства, которые создавались кочевниками, например хунну, хотя, по видимому, и уступает последним по уровню политической культуры. Таким образом, ранним государством ее считать нельзя, но, разумеется, и на обычное догосударственное общество она никак не походит.

В конце V — первой половине IV в. до н. э. при царе Атее в Скифии происходит переход к раннему государству [Мелюкова, Смирнов 1966: 220]. Атей устранил других царей, узурпировал власть и объединил всю страну — от Меотиды (Азовского моря) до низовьев Дуная — и даже стал продвигаться на юго-запад, за Дунай [Там же]¹⁵. Развитию государственности и укреплению царской власти способствовал рост торговли хлебом, особенно с Боспором, которую контролировала верхушка общества, и в целом процессы седентеризации (см.: [Граков 1971: 38; Мелюкова, Смирнов 1966: 219–220]). В экономическом отношении появился более прочный базис для государства в результате усилившегося процесса перехода части скифов к оседлости и расширения торговли. Косвенным свидетельством того, что государство в Скифии образовалось не в VII–VI вв. до н. э., как считают Хазанов и Гуляев [Хазанов

1975; 2008; Khazanov 1978; Гуляев 2005: 239], а только в конце V — первой половине IV в. до н. э., служит тот факт, что именно IV в. до н. э. датируются наиболее многочисленными, богатыми и известными захоронениями в Скифии, а скифские памятники VII–VI вв. до н. э. малочисленны и их количество существенно увеличивается только в V в. (см., например: [Мурзин 1990: 51; Граков 1971: 34]).

5. Сложные (комплексные) вожества

Давно отмечено, что во многих случаях различия между сложными вожествами и зачаточными ранними государствами малозаметны (см.: [Кочакова 1999: 10; 1991: 57])¹⁶. Это тем более справедливо в отношении крупных (и особенно очень крупных) сложных вожеств, которые, по нашему мнению, можно считать аналогами раннего государства. Ни по размерам, ни сложности они не уступают малым и даже средним государствам¹⁷. Некоторые примеры такого рода аналогов — сложных вожеств уже приводились выше (см. также об очень крупных вожествах на о. Гаити в конце XV–XVI вв.: [Александренков 1976: 143–151]).

Но в качестве наиболее показательного примера крупных вожеств как аналогов раннего государства стоит взять гавайские. Это особенно важно, учитывая, что к моменту контактов с европейцами социальная организация на Гавайских островах была наиболее сложной из всех полинезийских и, возможно, даже из всех когда-либо известных вожеств [Earle 2000: 73; см. также: Johnson, Earle 2000: 284].

Как известно, гавайцы достигли значительных хозяйственных успехов, в частности в ирригации (см.: [Earle 1997; 2000; Johnson, Earle 2000; Wittfogel 1957: 241]), среди них наблюдался очень высокий уровень стратификации и аккумуляции прибавочного продукта элитой [Earle 1997; 2000; Johnson, Earle 2000; Sahlin 1972a; 1972b], для них было характерно и основательное идеологическое обоснование привилегий высшего слоя. К моменту открытия Гавайских островов Джеймсом Куком здесь сложилась политическая система, когда сосуществовало несколько крупных вожеств, границы которых определялись отдельными островами: Кауаи, Оаху, Мауи, Гавайи [Эрл 2002: 78]. Войны были обычным явлением. В результате удачных или неудачных войн, браков и иных политических событий время от време-

ни политики то увеличивались, то уменьшались в размерах, иногда вовсе распадались, как это вообще свойственно вождествам. Число жителей отдельных вождеств колебалось от 30 до 100 тыс. человек [Johnson, Earle 2000: 246]. Вождества делились на «районы» от 4 до 25 тыс. человек [Harris 1995: 152]. Таким образом, все *объективные* условия для образования раннего государства в этих вождествах уже были: достаточная территория и большое население, высокая степень социальной стратификации и значительный прибавочный продукт, сильная власть верховного вождя и жесткая иерархия власти, развитая идеология и территориальное деление (разделение на «районы»), частые войны и др. Но отсутствовали *конкретно-исторические условия* и «триггеры». Поэтому-то государства здесь в доконтактный период так и не появились.

Важно отметить: точка зрения, что в конце XVIII в. на Гавайях государства еще не было, разделяется большинством исследователей (например: [Earle 1997; 2000; Harris 1995: 152; Johnson, Earle 2000; Sahlins 1972a; Service 1975; Салинз 1999]). Однако некоторые антропологи (см., например: [Seaton 1978: 270; van Bakel 1996; Bargatzky 1985]) считают, что на Гавайях раннее государство существовало еще до прибытия туда кораблей экспедиции Кука в 1778–1779 гг. Разумеется, очень многое зависит от того, что считать государством, не говоря уже об отсутствии письменных источников по доконтактным Гавайям.

Почему Гавайи были аналогом, а не ранним государством? Далее мы попробуем доказать с позиции представленной в данной статье теории, что на Гавайях был именно *аналог* раннего государства (вождество высшей степени сложности), а не раннее государство. Главный принцип построения политической организации власти в гавайских вождествах был жестко связан с родственной иерархией, которая основывалась на генеалогической близости к предкам, линиджу верховного вождя и к самому вождю. Линии старших братьев и сыновей считались более высокими среди остальных. Соответственно родные братья приобретали разный статус. Таким образом, вся политическая и социальная иерархия строилась вокруг родственных отношений, а правящие слои представляли собой эндогамные касты (см., на-

пример: [Earle 1997: 34–35; Service 1975: 152–154; van Bakel 1996; Bellwood 1987: 98–99]).

Хотя политику, которая только находится на пороге вступления в состояние раннего государства, методологически правильно анализировать с позиций определения именно *раннего* государства, все же будет полезно начать сравнение гавайских политий с определения государства в целом, а затем перейти к сравнению их с государством ранним. Согласно нашему определению (см. Введение), государство должно представлять не просто отделенную от населения организацию власти, но систему специальных (специализированных) институтов, органов и правил. Гавайские вождества имели отделенную от населения организацию власти и в этом плане приближались к государству. Но представляла ли эта организация систему **специальных** и тем более специализированных институтов, органов и правил? Нет, *систему органов власти на Гавайях назвать специализированной нельзя*. Детерминатив «**специальные**» предполагает, что эти институты, органы и правила возникали в первую очередь для политического и административного управления, что они имели в рамках всего общества именно такую управленческую направленность. На Гавайях же она представляла собой систему обеспечения сословно-кастового господства определенных линиджей и кланов вождей разных рангов в целом, где политические, экономические, этические и духовные аспекты являлись неразрывным целым. Причем в этом симбиозе идеологический момент был самым важным (см., например: [Service 1975: 158]), дающим прочную легитимность власти высшего сословия (*алии, то есть благородных*). По этой причине, вероятно, не появился и специальный судебный орган. Дружины вождей главным образом были необходимы для войн и в существенно меньшей степени являлись инструментом эксплуатации общества в отличие, скажем, от Древней Руси. Власть вождей и возможность изъятия прибавочного продукта в большой мере держались на их идеологической силе и традициях. И в еще меньшей степени специфически государственными можно считать правила в виде различных *табу*, с помощью которых гавайские вожди укрепляли и часто реализовывали свою власть, а наиболее важные *табу* обеспечивали власть высшего сословия *алии* в целом.

Еще один важный момент, согласно которому гавайские политики не подходят под наше определение государства (как и раннего государства), — *недостаточная или просто слабая возможность «изменять отношения и нормы» с помощью политической власти*. Поскольку вековые традиции, обычаи и вера в особые сакральные качества вождей были важнейшей опорой власти в гавайских вождествах, постольку возможности существенно менять традиционные отношения на Гавайях почти отсутствовали. Мы имеем в виду возможности менять их коренным образом, путем реформ и политических решений. Менялся «персональный состав» вождей, изменялись и границы вождеств, табу накладывались на что-то или снимались, колебались в определенных рамках нормы повинностей. Но все институты и нормы оставались в основном прежними.

Рассмотрим теперь Гавайи в аспекте их соответствия дефиниции *раннего* государства (см. выше вводный раздел к статье; см. также: [Гринин 2007а]).

Если обратиться к приведенному нами определению раннего государства, то гавайские политики не соответствуют пункту «в», согласно которому *раннее государство — это организация власти, построенная (полностью или хотя бы в значительной части) не на принципе родства*. Слово-сочетание в «значительной части» означает, что в ранних государствах существует заметная социальная мобильность при формировании и пополнении слоя администраторов (по крайней мере среднего слоя управленцев), которая в гавайских вождествах практически отсутствовала. А чем строже ограничения на вхождение в аппарат управления «со стороны», тем труднее политики перейти к собственно государственным методам управления (см.: [Гринин 2001–2006; Grinin 2004a: 110–111]).

Хотя во многих ранних государствах, подобно тому что было в Чжоуском Китае [Крил 2001; Васильев 1993] или даже в Древней Руси, родственные отношения играли большую роль в формировании высшего слоя управителей и администраторов государства (каковыми были, например, древнерусские князья), средние слои пополнялись в основном из других страт и источников, включая и неполноправных (см., например, относительно Руси: [Ключевский 1937,

т. 1; Фроянов 1999)]¹⁸. Кроме того, с течением времени, как убедительно показали Классен и Скальник [Claessen, Skalnik 1978a], значение родства в государстве падает.

В гавайских же политиях идеология родства была слишком сильна, поэтому даже средние слои состояли в основном из дальних родственников правящей линии (они часто были родственниками главных вождеских фамилий (см., например: [Bellwood 1987: 98])). В любом случае попадание даже в этот слой было крайне затруднительным, если вообще возможным, поскольку он состоял из вождей же, только меньшего ранга, их близких родственников и дальних родственников *алии* [Service 1975: 152]. Такой местный вождь мог быть членом свиты высшего вождя или его воином [Earle 1997: 44], и только нижние слои (слуги, ремесленники) состояли не из родственников (и то, по всей видимости, не полностью).

С учетом вышесказанного, гавайским политиям мешали стать государством следующие обстоятельства.

1. Жесткое социальное деление по признаку родства. Социальное положение человека определялось едва ли не по единственному критерию — генеалогической близости к старшей родственной линии (см., например: [Bellwood 1987: 97–98; Claessen 1996; Sahlins 1972a]), то есть место человека в родственной иерархии предопределяло его положение в системе управления. С объединением Гавайских островов Камеамеа I в начале XIX в., уничтожением или понижением значимости побежденных вождеских родов (в том числе путем конфискации их земель) возросли возможности для включения незнатных или недостаточно знатных людей в правящий слой. В частности, приближенные нового короля получили власть и земли на завоеванных территориях, позже на службу были привлечены иностранцы, которые даже были наделены имениями с даровой рабочей силой (см.: [Тумаркин 1964: 94; 88–90; 1971: 21] и др.).

2. Запутанность родственных отношений, включая и распространение поддельных родословных, трудности изменения сложившейся системы не позволяли гавайским вождествам перераспределить властные полномочия в пользу центра. В этом плане формирование единого правящего рода и уничтожение вождеской знати подорвало возможности со-

противления центру, которое, как правило, возглавляли недовольные и обиженные вожди (см.: [Sahlins 1972b]), что и дало возможность усилить власть центра, а это было важным толчком для формирования собственно государства. Стоит также отметить, что в отличие от верховного вождя король стал менее зависеть от своих приверженцев.

3. Слишком сильная роль традиций (то есть превосходства старших родственных линий и оправдывающей его религии) и соответственно слабая роль новых и нетрадиционных форм и способов регулирования жизни. С образованием единого государства изменилось очень многое не только в политической, но и в социальной жизни, в быте высших слоев, даже в придворном церемониале, обычаях и одежде при дворе [Ёрл 2002: 79; Johnson, Earle 2000: 294].

4. Слабые возможности центра для изменения отношений в обществе, поскольку весь порядок держался на идеологии сакральности и превосходства знатных кланов и линиджей; всякие изменения подрывали не просто идеологию, но и само положение правящей группы. Радикально иначе обстояло дело после образования государства. Сын Камеамеа I, Камеамеа II, как известно, просто отменил старую религию, все обряды и жертвоприношения, табу, предписал разрушить все храмы и святилища, уничтожить изображения богов [Токарев, Толстов 1956: 654]¹⁹. Поэтому Сервис и другие исследователи небезосновательно говорят о «гавайской культурной революции» [Service 1975: 156–158; Davenport 1969; см. также: Лаушско 2006].

На Гавайях также отсутствовало самоуправление, столь обычное для ранних государств. Даже в варновой Индии самоуправление (сельская община) играло очень важную роль. Если самоуправление и исчезает в некоторых ранних государствах, как, например, в Египте Древнего царства, то оно заменяется именно государственным аппаратом, а не чисто сословно-кастовым делением.

В то же время гавайские политии вполне сравнимы с ранними государствами и даже превосходят некоторые из них по размерам, социокультурной сложности, степени социальной стратификации и централизации власти. Так, население самого крупного вожества Гавайского архипелага (на самом о. Гавайи) составляло сто тысяч человек [Johnson, Earle

2000: 285] или даже больше (см.: [Wright 2006: 6]), что в **сто** раз превосходит численность населения типичных простых вожеств, подобных тем, какие, например, были на Тробрианских островах [Ibid: 267–279]. По мнению А. Джонсона и Т. Ёрла, только число вождей на о. Гавайи могло доходить до **тысячи человек**, то есть равнялось всему количеству жителей одного тробрианского вожества [Johnson, Earle 2000: 291]. Иными словами, здесь, очевидно, речь идет уже не столько о вождях-управленцах, сколько о своего рода приимитивной касте, которую можно назвать вождеской.

Величина и развитость гавайских вожеств дают все основания считать их аналогами малых ранних государств, а вождество на о. Гавайи — даже аналогом среднего государства.

6. Политии с неопределенными признаками

Структуру этих политий едва ли можно точно описать вследствие недостатка данных; однако, с другой стороны, учитывая их размеры и уровень культуры, есть веские основания не считать их ни догосударственными образованиями, ни государствами. В качестве яркого примера можно взять Индскую, или Хараппскую, цивилизацию. Эта огромная древняя цивилизация значительно превосходила размерами территории такие древние цивилизации, как египетская и месопотамская [Бонгард-Левин, Ильин 1969: 92]. Большое число жителей концентрировалось в двух крупнейших городах, Хараппе и Мохенджо-Даро [Там же: 96–97; Вигасин 2000: 394]. В индской цивилизации существовала социальная стратификация. Были высоко развиты ремесла и торговля [Бонгард-Левин, Ильин 1969: 101–103; Possehl 1998: 289]. Эта цивилизация в целом объединялась общностью культуры и идеологии. Об этом свидетельствуют письменность, система весов и измерений, архитектурные стандарты, а также то, что керамика, украшения, статуэтки, изделия из металла и др., которые находят на территории примерно 1 млн км² и которые принадлежат к эпохе длительностью примерно в 600 лет, свидетельствуют о наличии общего стиля, хотя и с существенными вариациями [Possehl 1998: 289; см. также: Файрсервис 1986: 197].

Таким образом, индская цивилизация являлась сложным социальным организмом (или их группой). Но сказать что-то о ее социальной организации достаточно трудно [Массон

1989: 202–203]. Состояло ли общество из трех групп: жречества, основной массы и «рабочих», как предполагает Б.Б. Лал [Lal 1984: 61], или там была иная социальная стратификация, не ясно. Еще менее ясна картина политической организации [Массон 1989: 203]. В этом отношении высказывается много разных предположений. Политический строй иногда определяют как миролюбивое, без царской власти и репрессивного аппарата общество религиозного толка, где главным было не насилие, а религиозное воздействие [Косамби 1968: 78]; как торговую олигархию с наследственной властью; как империю с сильной централизованной властью, сосредоточенной в двух или трех столицах, с основной эксплуатируемой массой сельского населения (см. об этом: [Щетенко 1979: 182 и др.]).

Но сегодня некоторые исследователи не без основания считают, что индская цивилизация не была ранним государством. Во всяком случае, несмотря на большой объем раскопок, в отличие от Египта и Месопотамии здесь не обнаружены признаки существования правителей (см. ниже) и лиц, концентрировавших в своих руках значительные материальные ценности. Не сосредоточивались ценности и в храмах (см.: [Антонова 2004: 89]). Слабо проявлялись в обществе воинские функции [Там же]. Поэтому идея Шаффера, что хараппская цивилизация не являлась ни догосударственной по своей форме, ни государством, а могла быть уникальной формой организации в том смысле, что в археологических, исторических или этнографических данных нет близкой параллели (см.: [Possehl 1998: 283–285]), заслуживает всяческого внимания.

Согласно Г. Посселу, эта цивилизация была «примером древней социокультурной сложности без архаической государственной формы политической организации» [Ibid.: 290]. При этом есть основания полагать, что политическая система была сегментированной и децентрализованной, а монарх отсутствовал [Ibid.: 289; см. также: Файрсервис 1986: 197]. В частности, нет ярко выраженных признаков дворцового хозяйства. Также нет доказательств существования центрального правительства или бюрократии (это важно в свете вышеуказанных идей о сильной империи), что, как считает Г. Поссел, дает повод предполагать: более древняя «племенная» организация обладала политической властью в регио-

нальном контексте. Все это, конечно, не служит однозначным доказательством отсутствия государства, как отсутствие монарха не доказывает, что государства не было, например, в некоторых греческих полисах или городах-государствах средневековой Италии. Но то, что в этой цивилизации было всего два или три крупных города наряду с сотнями городков и поселков, делает ее непохожей на систему греческих полисов²⁰. Имела ли эта структура определенные теократические элементы, характерные для ранней стадии развития политических систем первых цивилизаций (см., например: [Массон 1989: 203]), трудно сказать. Но теократия не так уж хорошо сочетается с развитой торговлей и мореплаванием и скорее присуща небольшим социумам. А структура этой цивилизации существенно непохожа на ту, в которой сосуществует много автономных храмовых центров, как это было в Месопотамии.

Таким образом, есть серьезные основания предполагать, что *индская (харатпская) цивилизация была специфическим типом аналога раннего государства.*

7. Другие формы аналогов

Как уже сказано, могли быть самые неожиданные формы аналогов, две такие формы приводятся ниже (некоторые приведены в следующем разделе).

7а. Тайные союзы. Тайные общества (союзы) были распространены в Меланезии, Африке и других частях света. Число тайных союзов было весьма большим (см.: [Токарев 1980: 314]), а их типы разнообразны, однако многие принципы их образования и функционирования весьма похожи [Новожилова 2000: 110–111; см. также: Белков 1993: 94–97]. В целом им был свойствен акцент на разрыв с родовой структурой (см.: [Новожилова 2000: 110; Андреев 1998: 45; Куббель 1988: 240–241]). Они служили для повышения статуса, престижа, власти и обогащения своих членов, реализации их возможностей и амбиций. В тайных обществах начинали функционировать новые принципы социальной стратификации, так как различия между членами возникали в соответствии с рангом, должностью, имущественным состоянием или взносом, заслугами и т.п.

Правомерно предположить, что некоторые тайные союзы в Африке могли вырастать до аналогов ранних государств,

особенно если подобные союзы становились фактически частью аппарата власти, как это было, например, у *менде* и *темне* в Западной Африке [Куббель 1988: 241].

У многих африканских народов они стали той структурой, из которой непосредственно выростала сакральная верховная власть [Там же]. В результате роста влияния тайных обществ они становились эффективным способом осуществления на достаточно крупной территории, не объединенной официальной властью, политических, властно-административных (в том числе карательных), посреднических, военных, судебных, «налоговых», сакральных функций, то есть функций, характерных для государства или его классических аналогов. В тайных обществах и союзах уже складывались зачатки иерархического аппарата, способного к жестким санкциям и сплоченного на основе новых структурных принципов [Там же: 240–241].

76. Корпоративно-территориальные аналоги. Другую необычную форму мы назвали **корпоративно-территориальной** (см.: [Гринин 2006в; 2011]). Ее пример взят из истории Малой Азии, где в начале II тыс. до н. э. сложился своеобразный союз (община) торговцев с центром в городе Канише (территория современной Восточной Турции), который имел оригинальную конституцию, самоуправление и органы управления, суд, казну, целую цепь факторий на протяжении торгового пути, связывающего Переднюю Азию со Средиземным и Эгейским морями. Но главное — он был независим от какой бы то ни было политической власти и выступал как субъект международного права [Гиоргадзе 1989; 2000: 113–114; Янковская 1989: 181–182; 2010: 63–85].

2. Другие типологии аналогов

Аналоги ранних государств сильно отличаются друг от друга, поэтому возможны их типологии по другим основаниям (см.: [Гринин 2001–2006; 2006в; 2011; Grinin 2003; 2004с]).

1. Типология по сходству с ранним государством

Аналоги можно разделить по степени структурного и организационно-административного сходства с ранними государствами. Здесь следует использовать два критерия: степень похожести аналогов на ранние государства; степень развитости в аналогах политической и социальной сфер.

С одной стороны, государства и аналоги различаются между собой особенностями политической организации, причем амплитуда этих различий очень велика. Следовательно, важно установить, насколько тот или иной аналог приближается в смысле развитости политических и административных элементов и органов к государству. С другой стороны, в обществе, где имеется раннее государство, обычно существуют и заметное имущественное неравенство, и социальные противоречия, и общество уже разделено на два (или больше) ясно выраженных слоя или формирующихся класса (см.: [Claessen, Skalník 1978с: 640; Claessen 2004: 74]).

Однако сложная социальная структура характерна и для многих аналогов. Более того, в некоторых аналогах социальная стратификация была ярко выраженной, а преодолеть социальные перегородки в них человеку оказывалось даже труднее, чем в иных ранних государствах (как мы видели на примере сравнения гавайского и древнерусского общества). Это частично объясняется тем, что для образования и развития государства требуется бóльшая подвижность общественной структуры, в частности для формирования аппарата чиновников или армии нового типа.

1а. Неполные и полные аналоги. Не во всех аналогах, примеры которых были даны, имелась достаточная степень социальной стратификации, действительно сравнимой с раннегосударственной. Именно поэтому в определении аналогов нами было указано, что аналоги находятся на одном уровне социокультурного **и/или** политического развития с раннегосударственными обществами. Аналоги, которые можно сравнить с государством только по размерам и степени политической и военной значимости, но не по уровню социокультурного развития, можно назвать **неполными** (примеры ниже). Иными словами, сами автономные структурные части этих аналогов, то есть племена, общины или вождества, по уровню своего развития еще представляют стадияльно догосударственные общества, в которых недостаточна социальная, имущественная и функциональная дифференциация. Но в рамках конфедерации они выступают в системе как образование, в отдельных аспектах сравнимое с ранним государством. При военных и политических успехах федеративные связи укрепляются, в конфедерациях могут начинаться процессы форми-

рования единой этнической общности, что имело место у ирокезов (см.: [Воробьев 2002: 159]), это может до определенного степени способствовать качественной эволюции такого социального организма.

В Северной Америке был целый ряд племенных конфедераций, некоторые из них имели достаточно большую численность: например, конфедерация криков, оформившаяся в начале XVIII в., к концу этого века насчитывала 25 тыс. человек, гуронский союз из пяти племен в XVI в. — 30 тыс. человек [Логинов 1988: 233; Тишков 1988: 148]. Но наиболее ярким примером **неполного** аналога являются ирокезы, численность которых, согласно Моргану, находилась в интервале от 25 тыс. [Морган 1983: 21–22] до несколько меньшей, чем 20 тыс. человек [Морган 1934: 74]. Но и численность в 20 тыс. и даже в 15 тыс. человек вполне сравнима с населением малого государства (см. далее). Социальная и имущественная дифференциация у них была слабой [Воробьев 2002: 159], хотя и есть некоторые свидетельства о социальном неравенстве в их обществе [Аверкиева 1973: 54]. Но по сложности политической организации (с институционализацией отдельных ее моментов, включая сложную процедуру принятия и согласования решений), по военной мощи они выделялись среди других индейских конфедераций (см., например: [Vorobyov 2000: 158]).

Аналоги, которые сравнимы с государственным обществом хотя бы по уровню социального развития, должны считаться **полными**. Выше было приведено много примеров таких аналогов (крупные этнополитические объединения и др.).

16. Социальные и политические аналоги. В свою очередь полные аналоги могут подразделяться на те, в которых больше развита либо социальная, либо политическая сфера. Первые можно назвать **социальными** аналогами, вторые — **политическими**. К социальным относятся такие аналоги, как политии саксов и галлов; к политическим — политии хунну, гуннов и др.

Любопытный пример **социального аналога** дает общество народа *и (носу)* в высокогорном районе Ляньшань китайской провинции Сычуань. В этом обществе существовали четыре «сословия», из которых одно собственно *и (носу)* — «черные» — в противоположность подчиненным

«белым» было высшим, благородным, а потому не участвовало в производительном труде²¹. Остальные три условия находились в разной степени зависимости — от полукрепостной до рабской. Сколько-нибудь сложной политической структуры при этом не образовалось [Итс, Яковлев 1967; Куббель 1988: 241–242]. Описанная выше специфическая социально-политическая структура начала складываться еще в VII–IX вв. н. э. в связи с тем, что скотоводческие племена подчинили себе земледельцев [Итс, Яковлев 1967: 79]. В целом это нередкое явление в истории.

В данном обществе было весьма распространено рабство. При этом *и (носу)* часто делали набеги и захватывали ханьцев, обращая их в рабов. Так, в 1919 г. ляншанцы захватили и увезли в горы более 10 тыс. жителей из соседних уездов. Общее население ляншанских *и (носу)* в начале XIX в. было небольшим — около 10 тыс. человек. Но в 1838 г. оно составляло уже 40–50 тыс., а в 1910 г. — 200–300 тыс. Оно продолжало увеличиваться, достигнув в середине 1950-х гг. 630 тыс. человек, из которых 50–60 тыс. составляли неассимилированные рабы-ханьцы [Там же: 79–80]. Высшее сословие составляло примерно 7 % от общего населения [Там же: 82]. Мужчины-аристократы с раннего возраста готовили себя к ратному делу.

1в. Комплексные аналоги. Можно выделить и такие аналоги, в которых и политическая, и социальная сферы были хорошо развиты, которые, кроме того, во многом были схожи с государством по своему устройству, характеру высшей власти и т. п. Такие аналоги мы назвали **комплексными**. Примером могут служить сложные гавайские вожества.

2. Типология по уровню развития

Аналоги могут различаться по степени эволюционной развитости, то есть, опираясь на классификацию Классена и Скальника, могут быть **аналоги примитивного, типичного и переходного ранних государств** [Claessen, Skalník 1978b: 22–23; 1978c: 640; Claessen 1978: 589]. По мнению Классена, с которым следует согласиться, одним из важных показателей различий между этими эволюционными типами раннего государства является роль родственных и общинных отношений в сфере политики (помимо других, таких,

как роль специалистов в управлении, уровень налоговой системы и т.д.) [Claessen 1978: 589].

Однако критерии, указанные Классеном, неудобны для различения уровня развитости аналогов, в которых новое административное начало в любом случае было слабее, чем в государствах. Следовательно, для нашего случая нужны другие критерии. Ими могут быть, в частности, такие: *насколько аналог был способен выполнять функции типичного или переходного государства во внутреннем управлении; насколько глубоко зашли процессы социальной стратификации и функциональной дифференциации; насколько важную роль стали играть новые отношения.*

Большинство аналогов соответствует уровню зачаточного государства. Примерами аналогов типичного государства являются наиболее развитые галльские политии. Однако некоторые аналоги выступают как равноценные типичному государству только в отдельных направлениях, например во внешней политике, военном деле (иногда в организации торговли). Примером будут очень крупные аналоги кочевых обществ (скифы, хунну). Было замечено, что размеры, мощь и уровень сложности в реализации внешнеполитических функций у объединений (империй) кочевников тесно соотносятся с размерами, мощью и уровнем политической культуры и деятельности государств, с которыми номады постоянно контактировали (см., например: [Барфилд 2006: 429; Хазанов 2008]). Соответственно некоторые кочевые соседи таких государств, как Китай, вполне могут рассматриваться как неполные аналоги *типичного* раннего государства. Найти примеры аналога *переходного* раннего государства достаточно сложно (см. подробнее: [Гринин 2011: 285]).

СТАДИАЛЬНО И ИСТОРИЧЕСКИ ДОГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОБЩЕСТВА

Как мы видели, не только формы, но и варианты развития аналогов были различными. Одни оказывались неспособными стать государством по своей природе (например, туареги), другие — из-за того, что их политогенез был насильственно прерван (например, у галлов). Однако многие аналоги все-таки превратились в государство (например,

скифы и гавайцы). В отношении последнего типа аналоговых обществ возникают вопросы: не противоречит ли идея об их стадильной равнозначности ранним государствам факту их превращения в государство впоследствии? Как аналоги могут одновременно быть и догосударственными, и равными государству по уровню развития политиями? На самом деле никакого противоречия нет.

Для пояснения сначала стоит провести следующую аналогию. Скотоводство может исторически предшествовать земледелию, но никто не удивится, если сказать, что стадильно это равные виды производства²². Уместно привести и более близкий россиянам пример. Если считать капитализмом господство негосударственного капитала в экономике, то сегодня Россию в этом смысле уже можно назвать капиталистическим обществом. Но тогда социализм неожиданно оказывается **докапиталистическим** строем. Однако очевидно, что он не равен докапиталистическому феодальному строю. Феодализм был и стадильно, и исторически докапиталистическим, а социализм был индустриальным обществом и выступал как аналог капиталистического индустриального хозяйства.

Вот в таком же плане аналоговое общество, которое позже (по отношению к периоду, в котором мы его рассматриваем) должно превратиться в государство, является догосударственным. Однако только *исторически* догосударственным, а по стадильному уровню оно и в форме аналога было равным раннему государству.

Вот почему продуктивно разделить все догосударственные общества на две группы (подробнее см.: [Гринин 2001–2006; Grinin 2003]).

Первая группа — это общества, которые можно обозначить как *стадильно/принципильно/типологически догосударственные*, поскольку при их наличном объеме и уровне сложности они не могут трансформироваться даже в малое государство. *Вторая группа* политий — *стадильно равные раннему государству*, то есть те, которые при своих наличных характеристиках потенциально могут трансформироваться в малое или более крупное государство, но развиваются в форме негосударственной политии. К этой группе политий и относятся аналоги раннего государства. И если какие-то из них

превращаются в государство, то такие аналоги являются *исторически* (но не стадияльно) догосударственными. Такое разделение негосударственных обществ на стадияльно и исторически догосударственные хорошо объясняет возможность быстрого возникновения из аналога государства в «горизонтальной» модели формирования государства (см. Заключение).

Однако нельзя забывать, что хотя стадияльно аналоги и были равными ранним государствам, но в общеэволюционном плане государственная форма оказалась намного более универсальной и перспективной.

1. РАННИЕ ГОСУДАРСТВА И ИХ АНАЛОГИ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

1. Соотношение размеров ранних государств и их аналогов

В настоящей статье нет возможности рассматривать вопрос о роли размеров обществ в политогенезе (см. подробнее об этом, а также сводку данных о численности населения в разных политиях: [Гринин 2010: 16–19; 2011: гл. 5; 2007б; Grinin 2009]). Тем не менее важно указать, что, по нашему мнению, интервалом для численности населения, необходимого для образования и функционирования мельчайших государств, возникающих лишь в особых условиях, можно считать 5–15 тыс. человек. Более благоприятный интервал численности в 15–50 тыс. характерен для мелких (малых) государств²³. Еще более благоприятной для этого процесса будет численность в 50–100 тыс. человек (среднее государство). Различия в численности населения ранних государств и их аналогов (и соответственно сложности устройства) весьма приблизительно отражены в следующей схеме (табл. 1).

Существует предел, за которым аналог становится нестабильным. Таким образом, *можно говорить о критической массе населения, за которой эволюционные преимущества раннего государства становятся очевиднее*. По обоснованному мнению некоторых исследователей, крупные вождества, как правило, становятся нестабильными уже в интервале от 30 тыс. до 50 тыс. человек населения (см. об этом: [Feinman 1998: 97]). За этим рубежом, соответствующим границе меж-

Таблица 1

**Типы ранних государств и аналогов
ранних государств согласно их размеру**

<i>Размер политии</i>	<i>Тип раннего государства и примеры</i>	<i>Тип аналогов раннего государства и примеры</i>
От 5 тыс. до 15 тыс. человек	Мельчайшее раннее государство (население некоторых греческих полисов)	Аналог мельчайшего раннего государства (конфедерация туарегов)
От 15 тыс. до 50 тыс. человек	Мелкое/малое раннее государство (типичные города-государства в Центральной Мексике накануне испанского завоевания)	Аналог мелкого/малого раннего государства (Исландия в X в.)
От 50 тыс. до 300 тыс. человек	Среднее раннее государство (Гавайи в XIX в.)	Аналог среднего раннего государства (эдуи, арверны, гельветы в Галлии до Цезаря)
От 300 тыс. до 3 млн человек	Среднекрупное раннее государство (раннее государство в Польше в XI–XIV вв.)	Аналог среднекрупного раннего государства (хунну 200 г. до н. э. — 48 г. н. э.)
Свыше 3 млн человек	Крупное раннее государство (империя инков)	Признанных стабильных аналогов крупного раннего государства не существует

ду мелким и средним ранним государством, начинается их распад или трансформация в государство.

Некоторые аналоги, однако, заметно перерастают указанный уровень. Но в любом случае предельным критическим размером для аналога раннего государства можно считать население в несколько сот тысяч человек, превышение численности которого ведет либо к развалу политики, либо к ее трансформации в государство. Поэтому даже аналоги среднекрупного государства очень редки. Из вышеприведенных примеров это только некоторые объединения кочевников (например, хунну во II в. до н. э.), население которых, даже по самым оптимистическим подсчетам, никогда не превышало 1,5 млн человек [Крадин 2001а: 79; 2001б: 127]. Следовательно, такие аналоги соответствуют только меньшим из группы среднекрупных государств. Устойчивых же аналогов крупного раннего государства, мы думаем, просто не могло быть.

Таким образом, в итоге эволюционного развития в среднем ранние государства оказывались крупнее аналогов, ведь потенциал развития государств (и, следовательно, их возможности увеличивать размеры) был гораздо выше. Однако на первых этапах процесса формирования государства, пока эволюционные преимущества последних не проявились в полной мере, вполне правомерно считать аналоги и ранние государства примерно равными по размерам.

2. СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РАННИХ ГОСУДАРСТВ. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАННИХ ГОСУДАРСТВ И ИХ АНАЛОГОВ

1. Общая характеристика признаков раннего государства

В первой части статьи были рассмотрены многочисленные аналоговые политии, по размерам, сложности и ряду других параметров находящиеся на одном уровне развития со многими ранними государствами и в то же время существенно превосходящие типичные догосударственные образования (вроде простых вожеств, племен, общин). Поскольку главные различия между ранними государствами и их аналогами заключаются не в размерах и уровне сложности, а в особенностях политического устройства и способах управления обществом, нами были выделены **четыре специальных критерия** для различения раннего государства и его аналогов как разных эволюционных типов сложных обществ. Эти критерии/признаки мы обозначили следующим образом:

- 1) особые свойства верховной власти;**
- 2) новые принципы управления;**
- 3) нетрадиционные и новые формы регулирования жизни общества;**
- 4) редистрибуция власти.**

Подробному сопоставлению ранних государств и их аналогов на базе этих критериев и посвящена оставшаяся часть статьи. Но предварительно необходимы пояснения.

— Эти признаки представляют систему. Каждый из них во многом дополняет и объясняет другие. Поэтому они в известной мере перекрывают друг друга. Но, конечно, в каж-

дом раннем государстве эти признаки развиваются неравномерно, и одни оказываются развитее других.

— Каждый из этих признаков в той или иной мере должен присутствовать в каждом раннем государстве. А их совокупность дает достаточную возможность определить, раннее ли государство перед нами или его аналог. *Каждый признак обязательно показывает отличия раннего государства от каких-либо аналогов, в которых его нет.* Но наличие только отдельных признаков не является стопроцентным критерием раннего государства, так как эти признаки могут встречаться и в некоторых аналогах, однако не в системе. **Таким образом, признаки раннего государства, отличающие его от аналогов, должны рассматриваться в совокупности, поскольку нет аналогов, которые бы обладали всеми перечисленными признаками.**

— Признаки эти достаточно широки по содержанию, что видно из самих названий (*новые принципы, особые свойства, новые формы*). Но в данном случае такие широкие обобщения наиболее продуктивны по следующим причинам:

— они отражают факт, что в каждом раннем государстве в рамках этих признаков преобладали те или иные более узкие направления. Ведь понятно, что ни в одном раннем государстве не могли сразу появиться все новые принципы и формы, а только некоторые из них;

— они позволяют объединить некоторые из тех моментов, на которые различные исследователи указывали как на критерии раннего государства. Например, *дифференциация и специализация власти и способность к ее делегированию* (см.: [Claessen 1978: 576; Spencer 2000; Wright 1977]) включены в признак «*новые принципы управления*».

2. Особые свойства верховной власти

На единый центр как на важнейший признак государства указывают многие исследователи [Claessen 1978: 586–588; Claessen, Oosten 1996: 2; Claessen, van de Velde 1987: 16; Ember C.R., Ember M. 1999: 158, 380; Fortes, Evans-Pritchard 1987/1940; Haas 2001: 235; Spencer 2000: 157 etc.]; см. также: [Гринин разл. работы]). Действительно, для исследования процесса формирования государства анализ его верховной

(центральной) власти представляется исключительно важным. Именно в результате взаимодействия центра и периферии часто формируется новая структура общества, в которой все больше элементов приобретает свойственные государству черты.

Верховную власть можно трактовать более или менее широко. В узком плане это монарх, президент, народное собрание и т.п. В широком — совокупность органов и людей, осуществляющих высшую власть из постоянного или временного центра. В настоящей работе этот термин употребляется в широком смысле.

Верховная власть опирается на **источник власти** или формируется им. Это делает ее легитимной. Источником власти может быть монарх или его род, особая привилегированная группа, народ или его определенная часть. Отношения внутри верховной власти часто становятся важнейшими в политической системе государства, как это происходило, например, в результате борьбы аристократии и демократии в греческих полисах, свержения монархии в Риме и Карфагене, в процессе борьбы царей и аристократии во многих случаях.

Далее рассматривается несколько важных характеристик верховной власти в раннем государстве.

• **Достаточная сила верховной власти**

В раннем государстве верховная власть чаще более сильная и более централизованная, чем в аналогах, даже в тех, где реальная власть вождя и его окружения весьма велика. «Главная характеристика, которая отличает государство от других форм социальной организации, — это политическое господство, легитимная сила навязывать решения» [Claessen, Skalník 1981: 487; см. также: Service 1975: 154].

Достаточная сила верховной власти отличает ранние государства от тех аналогов, в которых она формальна, слаба или отсутствует, а также от тех политий, в которых главная задача верховной власти — сохранить единство и консенсус типа конфедераций²⁴ и более сложных обществ, например, галльских вожеств и городов (см.: [Леру 2000: 123–127]), а также гетерархий [Crumley 2001].

От аналогов с относительно сильной верховной властью раннее государство отличается прежде всего большей систе-

матичностью и активностью центра в отношении подвластной ему территории, что выражается также в способности производить изменения в обществе (см. далее).

Достаточная сила верховной власти в принципе должна обеспечивать территориальную целостность государства, но эту проблему мы затронем несколько позже.

• **Способность к переменам**

Еще один очень важный показатель силы верховной власти заключается в том, что по сравнению с аналогами увеличивается ее способность производить существенные изменения в данном обществе и расширять сферу властного регулирования (см. об этом ниже). В результате появления этой способности в ранних государствах иногда открывается большой простор для изменений²⁵. В молодых монархических государствах нередко правители, почувствовавшие себя всевластными, переставали считаться с различными советами, собраниями и традициями и за десяток-другой лет проводили больше реформ, чем их делалось за предыдущие сто — двести лет. Правители ранних тираний в Греции порой довольно круто ограничивали не только влияние, но и частную жизнь знати и проводили важные реформы. И поэтому некоторые из них, «несмотря на весь свой тиранический эгоизм, а в некотором смысле и благодаря ему, заложили основы будущего полиса» [Берве 1997: 37]. А ликвидация власти вождя или царя, а затем и ограничение влияния аристократии в демократических полисах давали почти неограниченную власть демократическим органам, которые нередко принимали решения об очень серьезных реформах.

Когда государство образуется на базе сложных вожеств с сильной властью вождя, власть нового «короля» может стать еще более сильной и непререкаемой. Так, в частности, было на Гавайском архипелаге, где в первые десятилетия XIX в. политическое и социальное устройство быстро менялось [Ёрл 2002: 79]. Объединивший в начале XIX в. все острова Камеаеа I истребил часть местной знати, передал власть от местных династий на островах своим родственникам и приближенным, провел перераспределение земель на покоренных территориях [Тумаркин 1964: 88–90; 1971: 21] и, используя европейскую помощь, создал постоянную в не-

сколько тысяч человек армию с огнестрельным оружием и пушками, а также военный флот из 60 палубных ботов, нескольких бригав и шхун, построил форты [Тумаркин 1964: 102–103; 1971: 20]. Была создана также полиция. Новое государство оказалось способным повысить нормы эксплуатации, в частности при заготовках сандалового дерева [Тумаркин 1964: 102–103; 1971: 20], что ранее натывалось на сопротивление и часто заканчивалось восстаниями [Sahlins 1972b]. Сын Камеаеа I, принявший тронное имя Камеаеа II, разослал повсюду указы об упразднении старой религии [Токарев, Толстов 1956: 654]. Имея армию с огнестрельным оружием, король вполне логично полагал, что уже меньше нуждается в сакральной поддержке небес, что и доказал, победив в начавшейся гражданской войне.

• **Полнота функций верховной власти**

Чем больше функций выполняет государство, тем больше это в принципе говорит о росте государственности (о некоторых проблемах и функциях см., например: [Service 1975: XIII; Claessen 1978: 576; Crone 1989: 7]). Но поскольку объем функций в каждом государстве во многом зависит от конкретных условий (в частности, от того, организует ли государство производство или нет), то нужно установить хотя бы факт **достаточной полноты функций** верховной власти. При этом государство должно выполнять **функции как внутреннего регулирования** (объединительную и карательную, высшего арбитра, судебную и посредническую, фискальную, организационную, контрольную, сакральную), так и **внешнего** (военные, поддержания суверенитета и удержания в орбите своего влияния союзников, внешней торговли и внешних сношений). Это отличает ранние государства от тех аналогов, где внутреннее управление слабо (держится на традициях), а внешнеполитическая функция довольно развита, вроде конфедераций племен и городских общин, а также крупных политических объединений кочевников (например, хунну), в которых верховная власть, не вмешиваясь во внутреннее управление, могла контролировать внешнюю торговлю и военные акции [Крадин 1992; 2001а; 2002; Гумилев 1993; Барфилд 2006]. Ибо если внутри общества можно пытаться решать проблемы старыми методами, то вне его очень часто это невозможно.

3. НОВЫЕ ПРИНЦИПЫ УПРАВЛЕНИЯ

1. Общая характеристика новых принципов управления

С усложнением общества и наращиванием в нем новых этажей власти неизбежно возникает движение в сторону разделения труда в управлении обществом. Однако в аналогах раннего государства такое разделение базируется на старых (родовых, сакральных, самоуправления и других) принципах, отчего не превращается в саморазвивающуюся систему, ведущую к постоянной дифференциации функций.

В раннем государстве появляются новые принципы разделения труда по управлению обществом, которые затем становятся новыми принципами управления обществом. Наиболее важными из них являются: **делегирование власти; новое разделение функций (отделение исполнения от решений); изменения в комплектовании кадров управления; рост значения новых типов управленцев; появление властных вертикалей** и некоторые другие. Но каждый из них в конкретных государствах реализовывался не полностью, а фрагментарно, сочетаясь с традиционными и догосударственными отношениями.

В числе новых принципов управления обществом, конечно, надо отметить и **бюрократизацию управления**. Но, несмотря на его большую эволюционную будущность, важно обратить внимание на то, что в ранних государствах бюрократизация получила заметное развитие далеко не везде (и в этом смысле она не была универсальным новым принципом управления для ранних государств, см. подробнее: [Гринин 2010: 123–155])²⁶. Кроме того, объем и степень бюрократизации аппарата сильно зависят от объема, а также от функций государства²⁷. В некоторых случаях мы видим, что процесс бюрократизации зашел достаточно далеко, как, например, в Египте Древнего царства. В других случаях бюрократизация была относительно слабой, особенно на завоеванной территории, например в таких государствах, как ацтекское [Johnson, Earle 2000: 306; Баглай 1995; Trigger 2001: 65] или Римская республика [Штаерман 1989]. Иные государства, как Древняя Русь, Норвегия или Литовское княжество, были «дружинными», и весь аппарат управления сводился к его военной подсистеме (см., например: [Шина-

ков 2002; Гуревич 1980: 131; Петкевич 2006а: 310]). Не относить такие политии к ранним государствам мы считаем неправильным (о типологии ранних государств см. подробнее: [Гринин 2006б; 2001–2006; 2010: 67–71]).

Поэтому мы стремились описать новые принципы управления по возможности более универсально, чтобы они в полной мере относились как к бюрократическим, так и к небюрократическим государствам.

2. Делегирование и делимость власти

Делегирование власти означает возможность передать кому-либо власть в определенном объеме и на определенных условиях (обычно с ограниченным сроком) для выполнения определенных задач и функций. Такая практика зародилась вместе с появлением сколько-нибудь институционализированной власти. Однако догосударственные и негосударственные общества, за исключением демократически организованных, в целом отличались слабой способностью к делегированию власти (см.: [Spencer 2000; Wright 1977]). Тем более это было трудно сделать, если вождь имел сакральные функции, а его власть зиждилась на страхе перед его особыми качествами, которые далеко не всегда можно «делегировать» другому. Такие ограничения — поскольку сам вождь не мог поспеть везде — ставили преграды для эволюции политической системы.

Однако потребность в делегировании власти вытекала из важных практических нужд и необходимости решать одновременно много вопросов. По мере роста объемов и сложности задач такая потребность все усиливалась. Поэтому трудности делегирования власти начинают постепенно преодолеваться, и в раннем государстве удается наконец найти способы наделять кого-либо определенной долей власти на нужное время без боязни лишиться ее.

*Таким образом, возможность делегирования власти становилась новым важным принципом управления. Но и этот, и другие принципы управления базировались на появлении нового свойства власти, о котором стоит сказать особо. Мы назвали это свойство **делимостью власти** [Гринин 2001–2006; 2011; Grinin 2003; 2004с]. Оно заключается в возможности для обладателя власти делить ее в нужной пропор-*

ции между нужным количеством людей и на определенное время без утраты обладания властью и контроля над ней. Соответственно делимость власти предполагает реальное право отобрать данную власть или перераспределить ее. Делимость власти обычно означает также ту или иную степень согласия подчиненных и подвластных с правом обладателя власти делить ее и передавать другим, причем далеко не любому, а обладающему в глазах подчиненных нужным объемом полномочий, легитимности, авторитета. Иначе получивший полномочия не сможет ими воспользоваться.

Неделимая же власть — это власть, которую нельзя на время передать, делегировать, распределить и разделить между различными людьми и органами, не рискуя ее полностью или частично потерять либо встретить отказ в признании правомерности такого деления, или нежелание подчиняться «заместителю» обладателя власти. Такой она обычно была в догосударственных обществах и в большинстве аналогов. Стоит заметить, что **неделимость власти означает и неделимость ответственности правителя** за всякого рода неудачи и бедствия. В государстве же правитель очень часто мог переложить ответственность на исполнителя.

На базе делимости власти и роста ее общей суммы становится возможным усложнение разделения управленческого труда, что открывает перед обществом огромные перспективы развития в политическом плане.

3. Отделение выполнения функций от носителя функций

Увеличение уровней сложности устройства и управления — общая черта ранних государств и аналогов. В результате центру становится трудно поддерживать достаточно эффективную связь с периферией. В аналогах решение этой проблемы достигается в первую очередь за счет гипертрофии традиций и доведения до предела прежних тенденций развития, например наращивания числа и титулатуры вождей (а также разрастания их линиджей); расширения того, что Э. Саутхолл называет «ритуальным сузеренитетом» без ограничения фактического суверенитета местных правителей, то есть чисто формального подчинения верховному вождю [Southall 2000: 150]; более точного разграничения

объема власти региональных и верховных правителей; более четкого закрепления тех или иных функций в руках определенных родов и линий; развития генеалогического принципа, а также сакральных, ритуальных и идеологических моментов, связанных с использованием власти.

Во многом похожие процессы проходят и в раннем государстве. Однако, помимо усиления этих старых тенденций там возникает и нечто иное, что мы обозначили как *отделение исполнения функций верховной власти от нее самой (как носителя функций)*²⁸. В результате происходит качественно другое, чем прежде, разделение функций. Верховная власть, образно говоря, превращается в мозг, который управляет различными органами общества, а ее задачи на местах исполняются специальными порученцами, представителями, функционерами, наместниками, специалистами²⁹. Этот формирующийся аппарат управления становится «приводным ремнем» от верховной власти к обществу. В процессе такого разделения функций и начинается та внутренняя специализация, по Райту, в результате которой центральные процессы дифференцируются на отдельные действия, которые могут быть выполнены в разных местах и в разное время [Wright 1977: 381].

Таким образом, центр может, не теряя власти, расширять количество своих порученцев и функционеров, получая возможность сосредоточиться прежде всего на выработке общих решений, командовании, координации деятельности, сборе данных и контроле. Тем самым преграды для распространения его власти и расширения функций существенно уменьшаются, а возможности для экспансии увеличиваются. Проблемой становится необходимость кормить добавочных воинов и функционеров. Она-то и является постоянным источником деятельности государства, его активности, необходимости что-то менять. Отделение исполнения функций от центра порождает особую функцию верховной власти — **контроль над исполнителями.**

4. Новые черты системы управления в раннем государстве

Наличие развитого аппарата управления не является обязательным признаком раннего государства (подробнее см.:

[Гринин 2010: 121–123]). И это вполне объяснимо. По нашему мнению, административный аппарат возникает часто именно как добавочный, неосновной способ управления, и только потом обнаруживаются его преимущества. Поэтому в раннем государстве он создавался в основном из наличного материала (а не из идеальных чиновников, которых просто не существовало) и, конечно, не был полностью профессиональным. Мало того, он лишь частично формировался из рекрутированных властью людей, а большей частью центр просто приспособливал к своим нуждам уже сложившиеся формы самоуправления, управления и выполнения определенных функций теми или иными родами, слоями, корпорациями, выборными людьми³⁰. Иными словами, **аппарат управления в раннем государстве обычно несистемный. Он использует или перестраивает прежние формы управления, а заново формируется только в важных местах или направлениях**³¹. На бюрократический аппарат управления он похож только в отдельных чертах и моментах, а в целом представляет собой пеструю смесь старого и нового, поставленного на службу верховной власти. Эта система часто дает сбой то в одном, то в другом месте. Отсюда и постоянные поиски лучших административных решений. Тем не менее в целом в ранних государствах по сравнению с аналогами обычно имеется более сложная и разветвленная система управления.

Новые признаки могут и не играть еще определяющей роли. Поэтому сравнение управления в раннем государстве и аналогах должно идти прежде всего по пути выявления в первых новых моментов, особенно таких, которые оказались способны в дальнейшем перестроить общество. Здесь следует обратить внимание на следующее.

Во-первых, сам род правителя начинает играть новую роль — высшего эшелона власти, члены которого нередко раскиданы по всем уголкам страны. И даже в борьбе членов этого рода между собой за власть также можно увидеть, говоря словами русских историков XIX в., борьбу государственного и родового начал.

Во-вторых, если не во всех, то хотя бы в некоторых из ключевых органов и институтов (армии, суде, системе наместников, фискальных органах) верховная власть способна

реально влиять как на назначения на важнейшие посты, так и на среднее звено руководителей.

В-третьих, для государства характерна **большая социальная мобильность** людей, выполняющих государственные функции, чем для многих аналогов, облегчается **включение** в указанный аппарат людей не из определенной элиты (рода, клана, сословия, касты; см., например, о комплектовании высшей страты при Чингисхане: [Хазанов 2008: 259]). Чем строже ограничения, вплоть до полной невозможности вхождения в него людей со стороны, тем больше в политике старых способов организации, не позволяющих перейти к собственно политико-административным методам управления (см. выше сравнение гавайских вожеств с Древней Русью и Западной Чжоу).

В-четвертых, по сравнению с аналогами ранние государства имели гораздо больше возможностей для ротации членов аппарата в связи с плохим выполнением обязанностей или необходимостью, хотя порой слишком большого простора для выбора кандидатов и не было.

В-пятых, в ранних государствах по сравнению с аналогами **появляются новые типы управленцев**.

5. Изменения в составе управленцев

Виттфогель писал, что государство — это управление при помощи профессионалов [Wittfogel 1957: 239; см. также: Weber 1947: 333–334]. Но профессионал — понятие достаточно широкое. Оно включает и **наследственных** профессионалов, то есть тех, кто от рождения предназначен для отправления тех или иных обязанностей. Именно такими являлись вожди разных рангов в вождествах, а также наследственные главы, старосты общин или их частей. Поэтому можно сказать, что во многих аналогах и догосударственных образованиях также управляли профессионалы.

В ранних государствах наследственных и клановых профессионалов³², занимающих свой пост или должность независимо от центра, также было немало. Но постепенно все более заметную роль начинают играть нового рода управленцы (а также прежде маловажные типы управленцев).

Во-первых, существенно растут число и роль управленцев-**функционаров** (их классификацию см.: [Claessen 1978:

576]). А разница между функционером и, скажем, вождем существенна, поскольку первый выполнял ограниченные и специальные функции, а второй — общие (см. об этом, например: [Diamond 1999: 274]). Ибо вождь сосредоточивал на своем уровне всю полноту власти, а люди, поставленные (утвержденные) центром, часто имели только определенные полномочия.

Во-вторых, слой управленцев становится довольно пестрым, поскольку их права на должность были различны. Среди наследственных управленцев растет число **утвержденных**. Они наследовали должности по родственной линии или получали их из рук клана, но вступление в должность должно было утверждаться центром.

Среди новых типов управленцев особо стоит выделить **назначенцев** — тех, кто назначается (нанимается) на какие-то должности или места и зависит от правителя и власти. Разумеется, и эта группа была пестрой. Она включала и тех, кто материально мог вполне обойтись без службы или даже вовсе тяготился своим положением. Но была и подгруппа тех, для кого служба являлась главным делом, кто во всем сильно зависел от вышестоящей власти. Следует учитывать, что и в аппарат управления, и в дружины людей стремились подбирать по принципу преданности. Особенно удобны в этом плане для власти были люди без рода и племени, рабы и слуги, иноплеменники. Поэтому их и привлекали для управления, военной службы, надзора за хозяйством³³. В некоторых государствах от управленцев требовали и специальных знаний, тем самым создавалась эволюционно перспективная группа управленцев-специалистов (в том числе писцов). В управлении государством могли играть важную роль иностранные советники, как это было на Гавайях при короле Камеамеа I и особенно при его преемниках (см.: [Тумаркин 1964: 94; 1971]).

Таким образом, в политике и управлении появлялось все больше людей, которые жили за счет вознаграждения/доходов от выполнения своих функций и прямо зависели от правительства. Разумеется, они еще не составляли полную систему, но чем дальше развивалось государство, тем заметнее был конфликт между профессионалами по праву и профессионалами-назначенцами, тем сильнее верховная власть стреми-

лась заменить первых на вторых или превратить первых во вторых, особенно в армии и суде (о профессиональных политиках в демократиях и аристократических республиках см.: [Гринин 2010: 44]).

4. НОВЫЕ И НЕТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

1. Традиционные и нетрадиционные формы регулирования жизни общества

Мы уже отмечали, что политическая власть в государстве постепенно приобретает возможность регулировать при необходимости любые аспекты жизни общества. Какие именно моменты станут объектом такого регулирования, разумеется, зависит от очень многих вещей, в том числе от задач и силы верховной власти. В определенных ситуациях даже вопросы, весьма далекие от политики, становятся политическими, если верховная власть начинает в них вмешиваться, менять и контролировать. При анализе этого явления в различных политиях мы обнаружили, что вместе с объемом и сложностью сферы регулирования в раннем государстве — по сравнению с аналогами — существенно повышается и роль *нетрадиционных* методов регулирования, а также появляются новые методы.

Под традиционными методами регулирования жизни общества понимаются такие, которые:

а) уже устоялись и потому не требуют отхода от прежней практики;

б) основаны на таких обычаях и деятельности людей и групп, которые либо проходят вовсе без какого-либо участия верховной власти, либо ее участие в них объясняется традицией и обязанностями, которые верховная власть не может изменить (вроде обряда плодородия, религиозных празднеств, заслушивания жалобщиков и т.п.).

Соответственно нетрадиционные/новые методы:

а) обязательно связаны с прямым или косвенным участием верховной власти (непосредственно или через ее представителей);

б) являются выражением воли верховной власти и могут быть связаны с теми или иными изменениями в обычаях и законах.

Разумеется, деление на традиционные и нетрадиционные методы весьма условно. Но такое различие, тем не менее, способно быть полезным при анализе особенностей ранних государств по сравнению с аналогами. Дело в том, что, как показывает наш анализ, в аналогах изменение традиций, регулирующих социально-политическую жизнь, было связано в первую очередь со сверхразвитием старых направлений и потенциалов. Зато в ранних государствах наряду с таким сверхразвитием укрепляется важная способность к реформированию и/или к разрыву с некоторыми традициями. Это, кстати сказать, вполне объясняет и причины более быстрого эволюционного развития государств по сравнению с аналогами. Если в первых используются новые методы управления, если в них происходит ломка и реорганизация отношений гораздо чаще, чем в аналогах, которые больше опираются на традиционные методы, то и развитие государств будет идти быстрее. Сравните темпы развития, скажем, Киевской Руси и ее соседей — половцев, и эта мысль станет ясной. На важность *создания нетрадиционных и новых форм управления* для развития раннего государства указывали также Э. Сервис [Service 1975: 154], Классен и Скальник [Claessen, Skalník 1978a: 624–625].

2. Нетрадиционные и новые формы регулирования

К таким формам мы относим:

— реформирование и/или постепенное изменение управления и различных аспектов социальной жизни, включая «контроль и регулирование в некоторых сферах социальной деятельности (различных для каждого конкретного государства — от половых запретов до кровной вражды. — Л. Г.), которые в безгосударственных обществах являются прерогативой родственных групп» [Kurtz 1978: 183];

— разрыв с традициями и тенденция к замене традиций политической волей (деятельностью управленцев или выборных лиц, правом, насилием, нормотворчеством власти и т.п.);

— рост значения принуждения и контроля над исполнением, в том числе установление контроля над прежде авто-

номными должностными лицами и органами (судами, старостами и т.п.)³⁴;

— изменение в системе поощрений и наказаний (в том числе их кодификация или детализация, появление новых форм поощрения и наказания, изменение круга или положения лиц, имеющих право осуществлять наказания и поощрения). При этом правители и администраторы, подобно древнеиндийскому автору «Артхашастры», были озабочены эффективностью наказаний: чтобы они не были ни слишком жестокими, ни слишком мягкими [Mishra P., Mishra J. 2002];

— расширение или сужение полномочий должностных лиц для выполнения ими воли и политики верховной власти;

— создание условий (особых законов; органов власти, надзора и контроля; должностей; изменение обязанностей местной власти и пр.), которые позволяют верховной власти создавать систему более регулярного контроля, добиваться принятия важных для нее решений и доведения их до населения.

Стоит добавить, что в каждом раннем государстве (и даже на каждом этапе его развития) какие-то из перечисленных методов могли быть малоразвиты, а какие-то — преобладать. Более подробно мы остановимся на первых трех.

3. Традиция и государство.

Традиция и реформирование

В догосударственных обществах роль традиций была исключительно важной. Но правомерно ли думать, будто ранние государства незаметно вырастают из этих традиций, так что люди почти не ощущают перемен? Мы полагаем, нет. Образование раннего государства всегда связано с заметными переменами. Ко многим традициям раннее государство было индифферентно, так как они еще не влияли на его деятельность. На другие традиции оно, напротив, опиралось, порой резко усиливая их, нередко при этом делая менее значимые обычаи важными или самыми важными³⁵. Весьма часто это касалось таких «традиций», как выполнение различных материальных, трудовых или военных повинностей.

Существует много традиций (особенно религиозного, семейного плана и связанных с благородством родов), которые не нравятся верховной власти, но которые она не может, не считая возможным, боится тронуть. К таким относятся, скажем, правовые и налоговые привилегии городов и храмов, права определенных групп. Например, местничество в Московской Руси удерживалось даже в период крутых расправ с боярами и реформ в XVI в.

Наконец, четвертая группа традиций включает такие, которые препятствуют решению насущных задач или достижению важнейших целей либо угрожают устойчивости или самому положению верховной власти. Их она (когда это по силам) устраняет или преобразует, а также ломает связи людей с местными традициями [Kurtz 1978: 185]. И это **стремление изменить некоторые важные традиции или порвать с ними, как нам кажется, очень характерно для ранних государств. Почему?**

Дело в том, что управление только по традиции не требует ни специального аппарата, ни выполнения особых функций контроля. **Там, где традиция господствует абсолютно, не нужно государства**, а достаточно иных принципов организации общества (см., например, о райбунском обществе: [Frantsuzov 2000: 263]). Поэтому, перефразируя известное определение, можно сказать: **государство начинается там и тогда, где и когда традиционные методы управления не действуют**. Иными словами (см. об этом в заключении), переход к государству облегчается серьезными отклонениями от привычной ситуации и необходимостью существенных (иногда и коренных) изменений в управлении [Claessen 2004; Классен 2006; Якобсон 1997: 7; Гринин 2001–2006; 2011; Grinin 2003; 2004c].

Конечно, сильные изменения и разрывы с традицией в результате неожиданной перемены ситуации, внутренней борьбы или необходимости имели место в некоторых случаях и в аналогах³⁶. Но все же большинство аналогов не способно уйти от тех традиций, которые не дают им эволюционного простора.

Зато в ранних государствах направленность на изменение традиций становится более определенной и систематической. По мере развития раннего государства верхов-

ная власть начинает постепенно заменять и подменять традиции, во многих случаях реализация ее воли идет уже через систему установлений, органов, политиков и администраторов. Но, разумеется, никогда разрыв с традицией не бывает тотальным. В каждом обществе такой отход от традиций происходил только в отдельных направлениях, неполно, встречая сопротивление, оппозицию и заговоры, часто с откатами, возвратами и переворотами.

Такой отход облегчается в условиях, когда выполнение традиций затруднено, так как нарушилась их основа. Например, при синойкизме (вынужденном переселении людей из ряда мелких в один крупный населенный пункт), этническом перемешивании, развитии торговли усиливается необходимость судебного или административного регулирования. Нередко закон ограничивал права населения на применение насилия или полностью запрещал кровную месть, как, например, это зафиксировано в кодексе царя ацтеков Монтесумы I (см.: [Kurtz 1978: 307]) или в Салической правде франков (например, XLI, 7 [см.: Батыр, Поликарпова 1996, I: 249]). Изменения традиций происходили при контактах с другими культурами, в частности у кочевников, славян, германцев и т.п., когда правители хотели походить на более культурных иноземных монархов. Так, гавайские короли (особенно после Камеамеа I) в дворцовых церемониалах и ритуалах стали подражать европейцам, переняли европейскую одежду, домашний быт, военные представления [Johnson, Earle 2000: 294].

Сказанное о тенденции к разрыву с традициями не противоречит и тому факту, что в процессе образования многих государств важную роль играет завоевание [Ambrosino 1995; Carneiro 1970; 1978; Саутхолл 2000; Гринин 2001–2006 и др. соч.; Гринин, Коротаев 2009]. Напротив, в определенном смысле завоевание может рассматриваться как резкий разрыв с некоторыми традициями и возникновение новых отношений между победителями и побежденными.

Стоит отметить, что чем сильнее разрыв с традицией, тем больше проблем и ответственности лежит на власти, поскольку многие вещи, которые прежде решались внутри семьи, общины или небольшой области, становятся частью государственного регулирования. Соответственно **увеличе-**

ние проблем и забот ведет к росту потребностей государства. А это в свою очередь является источником новых изменений, например регулирования порядка получения дани и налогов, введения законов и норм.

С изменением традиций тесно связано и реформирование. Ведь реформы часто являются именно отходом от каких-то важных традиций, и история любого раннего государства дает нам примеры тех или иных реформ, связанных с отходом от традиций, в том числе религиозных. Таковы, например, Шунь, У Ци, Шан Ян и другие правители и политики в Древнем Китае [Бокщанин 1998б; Переломов 1974], Ликург в Спарте, Сервий Туллий в Риме, Уракагина/Уруингина в Лагаше (см., например: [Дьяконов 1951; 1983: 207–274; 2000а: 55–56]), Саргон в Аккаде [Дьяконов 2000б: 57–59], Саул и Давид в Израиле–Иудее [Вейнберг 1989: 99; Тантлевский 2004] и т.д. Хлодвиг у франков, Владимир на Руси и многие другие отказались сами и заставили свои народы отказаться от старой религии [Мажуга 1990: 48; Рыбаков 1987: 143]. Даже в Индии, где власть стремилась избежать крутых разрывов с традиционными основами, таких примеров немало. Достаточно ярким является поддержка индийским царем Ашокой буддизма (III в. до н. э.). И это привело — согласно традиционной версии, очевидно, отражающей истинные события, — к заговору со стороны сановников и наследника, фактически отстранивших Ашоку от управления (см.: [Бонгард-Левин 1973: 71–74; Косамби 1968: 164–170]).

В целом мы полагаем, что **в ранних государствах усиливается способность власти к реформированию.** Оно становится уже не только непланируемым результатом неожиданных поворотов событий, но и все более важным способом решения тех или иных проблем верховной властью. Но реформы все же были редким делом (хотя существовали и отдельные периоды довольно активного реформирования). Промежуточное место между реформами и застоем занимали **регулируемые изменения, связанные с деятельностью верховной власти.** И вот в этом смысле раннее государство особенно заметно отличается от аналогов, поскольку в нем этот процесс становится существенно более упорядоченным. Например, в Афинах народное собрание собиралось еже-

месячно, а с IV в. до н. э. — четыре раза в месяц, то есть еженедельно [Кучма 1998: 113]. И ведь оно должно было что-то решать, а значит, помимо рутинных проблем, обсуждались и многие изменения. Сравнивая эту упорядоченность, например, с Исландией, где альтинг собирался сначала один раз в год на неделю-две, потом немного чаще, но затем в XI–XII столетиях политическая жизнь там — в противоположность Афинам — замирает [Ольгейрссон 1957: 191], легко понять различия между ранним государством и его аналогом.

4. Рост значения принуждения

Мы исходим из того, что развитый и формализованный аппарат принуждения не обязателен для ранних государств (см. подробнее: [Гринин 2010: 120–123]). Но что несомненно можно увидеть в них — это рост роли принудительных методов управления со стороны верховной власти. Многие исследователи считают «важнейшим конститутивным признаком государства, отличающим его от вожества», «наличие инструментов насилия» [Service 1975; Годинер 1991: 68]. Принуждение достигалось разными способами — как традиционными, так и новыми, как прямыми, так и косвенными. Стоит отметить рост роли судов и введение особых законов, слежку за населением, институт особых соглядатаев и доносчиков³⁷, усиление наказаний за неисполнение повинностей, прямые репрессии, особенно на покоренных территориях, где армия неизбежно выступала как аппарат принуждения и насилия над завоеванным населением, и др.

Этим ранние государства отличались от ряда демократических аналогов вроде древнеисландского, где такое насилие на общеполитическом уровне отсутствовало или было весьма слабым. А большей самостоятельностью верховной власти в свободе применения наказаний и репрессий государство отличается от аналогов с племенной (клановой) структурой и слабым центром, где какие-то карательные акции против нарушителей обязательств перед центром могли осуществляться только с согласия большинства кланов.

Другой важный момент связан с изменениями в войске. Государственные реформы едва ли не в половине случаев в той или иной степени касаются именно армии (см., например, о военных реформах Чингисхана: [Хазанов 2008: 258;

Владимирцов 1934: 10–12]). И это неудивительно, поскольку военная сфера более всего и требует вмешательства государства. *Этим раннее государство отличается от сложного вождества или другого аналога, где изменить традиции в военном деле крайне сложно.* Создание новых политических и административных форм (и в целом государственной организации) часто начиналось именно с трансформации военных обычаев, институтов, структур типа военных лагерей юношей, дружин, личной гвардии правителя и т.п. (см., например: [Львова 1995: 161; Орлова, Львова 1978; Миллер 1984: 191 и др.; см. также: Бочаров 1991: 70]).

Хотя было немало ранних государств с нерегулярной армией, но и в этих случаях мы, скорее всего, найдем, что новые формы регулирования жизни заметно коснулись и ополчения (см., например, об Афинах: [ван дер Влит 2006]). Кроме того, принудительный характер призыва на войну и жестокие наказания за уклонение, вплоть до смертной казни или продажи в рабство, более характерны для ранних государств, чем для аналогов, во многих из которых участие в военных походах было добровольным делом, даже у воинственных ирокезов (см.: [Фентон 1978: 127]).

5. Важнейшие направления изменений

В каждом раннем государстве изменения в традиционных отношениях, формах регулирования и институтах идут лишь в отдельных направлениях, сферах и ситуациях, которые определяются конкретными обстоятельствами, расстановкой сил, историческим опытом и т.п. Наиболее важные, с нашей точки зрения, направления изменений следующие:

а) изменение и расширение властных полномочий, включая изменение титулатуры и церемониала; изменения в порядке передачи власти, в государственном устройстве и внутри управленческого и военного аппарата; введение или упразднение должностей и органов; изменение порядка назначения и смещения должностных лиц разных уровней;

б) изменение статуса, прав и обязанностей как отдельных людей, так и групп и всего населения, включая ограничения на применение насилия и кровную месть. Это касается и введения (отмены) налогов: введения новых почетных званий, титулов и рангов;

в) изменение ритуала, моральных и религиозных норм, отмена различных обычаев и введение новых установлений.

Наконец, нужно сказать об изменении **территориального устройства**. В раннем государстве по сравнению с аналогами возникают более сильные стимулы для изменения территориального устройства. Но систематичности в этих изменениях обычно не наблюдалось. Чаще было смешанное территориальное устройство, где наряду со старыми делениями появлялись и новые, созданные под воздействием верховной власти. Система могла длительное время усложняться и запутываться, пока в какой-нибудь период не происходило более рационального территориального деления. Ведь если центр не преуспевает в уменьшении сложности подсистем, баланс силы (власти) в системе будет неустойчивым [Bargatsky 1987; Johnson 1981; Claessen 1989].

5. РЕДИСТРИБУЦИЯ ВЛАСТИ

1. Понятие редистрибуции власти

Как уже было сказано, процесс образования ранних государств обычно связан с существенными переменами в установившихся социально-политических отношениях в обществе. Но и в аналогах также время от времени происходили своего рода **колебания и перемещения власти** от народа к элите и наоборот, от одних групп к другим, от знати к вождю и наоборот и т.п. (см., например, о возмущениях народа, вызванных превышением полномочий гавайскими вождями, которые инспирировались другими вождями: [Sahlins 1972b; Салинз 1999]). Иногда в результате этих пертурбаций центр усиливался и возникало крупное вождество. Однако если это центристремительное движение было недостаточно устойчивым, чтобы закрепиться, жизнь выросшей политики оказывалась недолгой. Такие непрочные образования, как славянское «государство» Само [Lozny 1995: 86–87], германские племенные союзы Маробода (у маркоманов), Ариовиста (у свевов), Арминия (у херусков), Клавдия Цивилиса (у батавов) [Неусыхин 1968: 601–602; Oosten 1996], гуннская «державка» Аттилы [Корсунский, Гюнтер 1984: 105–116], гето-дакский союз под руководством «короля» Бурбисты [Федоров, Полевой 1984] и пр., обычно распадались после смерти вождя (а иногда и при

его жизни, как случилось с Марободом). Иной раз в аналогах и вовсе шло ослабление верховной власти, особенно если там имелась сильная и своевольная знать (см. о процессе деградации центральной власти у эдуев, наиболее могущественного народа среди галлов времен Цезаря: [Леру 2000: 124]). В других случаях мелкие политии объединялись в более устойчивые образования: конфедерации, слабо централизованные теократии или монархические политии сегментарного типа [Southall 2000]. Однако во всех этих случаях отсутствовала направленность на усиление верховной власти, на развитие новых принципов управления и форм регулирования, о которых мы вели речь.

Зато в раннем государстве возникают тенденции на усиление роли верховной власти и центра в распределении власти, на образование как бы силового ядра, влияние которого на общество становится все более заметным, а постепенно в чем-то и определяющим. Эти центростремительные процессы мы назвали **редистрибуцией власти** [Гринин 2001–2006; 2006в; Grinin 2002; 2003]. Власть в данном случае нужно рассматривать не в каком-то чистом, нематериальном виде, а как систему властных функций, прав, обязанностей, распоряжений, действий и связанных с этим разнообразных людских и материальных ресурсов и информации.

В то же время власть правомерно рассматривать как ресурс, который должен регулярно воспроизводиться и потребляться (ведь если власть не используется, она имеет тенденцию к сокращению). А с появлением такого качества власти, как делимость (о чем выше шла речь), существенно возрастает возможность перераспределять ее и накапливать. Исходя из сказанного, должно быть понятно, что **редистрибуция власти** — это процесс воспроизводства системы распределения власти между центром и периферией, который позволяет верховной власти контролировать периферию и обеспечивать возврат потоков властных функций и действий в центр без их уменьшения в течение длительного времени. Это процесс поддержания в центре узла власти, с помощью которого он может влиять на общество, а при возможности перестраивать его и аккумулировать дополнительную власть и информацию. Подробное объяснение термина и аналогию с процессами редистрибуции власти см.: [Гринин 2010: 60–62].

2. Редистрибуция власти как поддержание/изменение баланса власти

Редистрибуцию власти можно рассматривать одновременно и как процесс поддержания установившегося баланса власти между центром и периферией/другими центрами, и как процесс изменения этого баланса в пользу тех или иных участников процесса. При этом, с одной стороны, поскольку политический порядок в раннем государстве еще не отлажен, то даже удержание баланса власти (не говоря уже об увеличении властных полномочий) требует от правительства больших усилий, тактических уступок и способности опираться на разные слои и общественные силы. Сам по себе титул не гарантирует правителю власти, поэтому он должен заключать постоянные союзы, разыгрывать те или иные комбинации; по этой причине верховная власть нередко старается придать процессу управления вид договоренностей, согласований и пр.³⁸

С другой стороны, хотя редистрибуция власти — это еще не централизация государства в полном виде, но это процесс движения к централизации, а вместе с этим к большей упорядоченности и регулярности в отношениях между властями всех уровней, рангов и линий, а также между населением и властью в целом³⁹. Редистрибуция власти связана и с некоторой унификацией отношений и норм в рамках державы. Она сильно влияет на развитие этнических, культурных, религиозных и других процессов. Все больше дел и проблем совершается и решается под эгидой и заметным контролем верховной власти (в отличие от аналогов). А в результате ее роль в управлении обществом имеет тенденцию к увеличению. Однако происходит это не гладко. Патриция Шифферд, которая провела сравнительный анализ 22 ранних государств, пришла к выводу, что попытки централизовать политические институты никогда не протекали гладко и легко, поскольку появление государства в экономическом и политическом смысле задевало существенные интересы как людей, так и корпоративных групп изменяющегося общества [Shiffard 1987]. Возрастание государственной власти означало потерю независимости на местах [Bargatzky 1987]. Характерно также, что продолжение централизации было достаточно редким

случаем для ранних государств, так как противоречия, напряженность и противодействие оказывались слишком сильными [Shifferd 1987]. Недаром вождей, превратившихся в деспотов, вроде зулусского Чаки, убивают, неудивительно, что слабые преемники тирана свергаются, что возникают страшные раздоры после смерти создателя державы и т.п.

Так или иначе вследствие перераспределения власти раннее государство гораздо быстрее, чем аналоги, начинает менять отношения внутри общества.

Это может выражаться в самых разных действиях верховной власти, связанных с расширением ее функций и полномочий, а также с борьбой против попыток местной власти выйти из-под контроля, например:

— в изменении порядка назначения (или выборов) местных руководителей и/или в переделе земельных владений знати. Чаще всего так поступали завоеватели, как, например, было в империи инков, в Чжоуском Китае, в завоеванном Иваном III Новгороде и т.п. (см.: [Кузьмищев 1974: 697; Березкин 1991: 89–96; Васильев 1993: 188; Крил 2001; Хорошкевич 1966: 122]);

— в принудительном переселении народов или масс населения (Ассирия, государство ацтеков и др. см.: [Садаев 1979; Kurtz 1978: 177; Крил 2001: 69–71]) и насильственном перемещении в другие места знати, например в некоторых древних китайских государствах в IV в. до н. э. [Переломов 1974: 23];

— в замене единого массива земельных владений крупных аристократов поместьями, разбросанными по стране, или пожалованиями за службу таким же образом (так действовали, например, Камеама I на Гавайях, Вильгельм Завоеватель в Англии, некоторые *оба* — правители Бенина [Тумаркин 1964; 1971; Мортон 1950: 60; Бондаренко 2001: 221]);

— в «нейтрализации местных организаций, которые могли как-то мешать выражению гражданами преданности и лояльности» (в государстве ацтеков [Kurtz 1978: 180]);

— в монополизации верховной властью некоторых функций, в частности судебных (как это было сделано Вегбаджей, первым царем Дагомеи [Кочакова 1986: 256]);

— в увеличении роли и росте пышности двора правителя (Гавайи в XIX в. после Камеама I, некоторые древнекитай-

ские государства [Рокора 1978: 203]), при котором порой живут в качестве заложников или воспитанников родственники местных правителей и т.д.;

— нередко это выражается в очень наглядных материальных акциях, например в смене столиц (в 639 г. император Дзёмей в Японии [Пасков 1987: 34]) или превращении в столицу прежде маловажного города (Саргон Древний в Аккаде [Дьяконов 2000б: 57], Андрей Боголюбский во Владимиро-Суздальском княжестве [Рыбаков 1966: 617]); строительстве общегосударственного храма (в Иерусалиме при Соломоне [Вейнберг 1989: 99]) и т.п.;

— в концентрации и накоплении в архивах важнейшей информации, например законодательной или подтверждающей знатность. Так, Чингисхан после избрания его великим ханом в 1206 г. создал специализированный орган публичной власти — верховный суд, который, помимо судебных функций, должен был письменно фиксировать все административные и судебные решения [Kradin 1995: 193]. Р. Карнейро специально подчеркивает, что раннее государство должно контролировать информационные потоки [Carneiro 2000: 186];

— это также может выражаться в росте размеров и значення столицы или в особом положении столичной знати и чиновников (о Египте Древнего царства см.: [Перепёлкин 2001: 191–192]; см. также: [Гринин, Коротаев 2009: гл. 6]).

Процессы редистрибуции и изменения баланса власти нередко вели к резким колебаниям, особенно заметным в связи с возвышением правителя, династии и резким территориальным расширением державы или с их упадком. Быстрый рост полномочий центра также может вести к кризисам, как и быстрое ослабление центра.

Порой правители были связаны по рукам и ногам родней, советниками, аристократией, обычаями. Но бывало, что иной монарх превращался в тирана и палача. «Противоречие между двумя течениями, безудержным и вводящим ограничения, — это, впрочем, общий признак архаического времени», — очень верно подмечает Гельмут Берве [1997: 19].

3. Редистрибуция власти и распад государств

Укрепление позиций и возможностей верховной власти не исключает колебаний и временного ослабления центра, по-

пытках вернуть самостоятельность, разлада во властной редиистрибутивной системе. Напротив, это вполне типично. Именно эти проблемы и создают источник новых решений. Редиистрибуция власти неразрывно связана с военными факторами (внешней опасностью или безопасностью, победами или поражениями), которые усиливают или ослабляют ее. Поиск более удачных эволюционных решений в истории часто осуществлялся путем разрушения одних государств и создания на их месте других. Например, в результате внутренней борьбы центр державы может переместиться на окраину, как это неоднократно бывало в истории, когда прежде слабый провинциальный город становился новой столицей либо когда покоренный народ превращался в господствующий. Так случилось, например, с Мидией, ставшей в VI веке до н. э. частью Персии во главе с Киром Великим (см., в частности: [Дьяконов 1956: 414 и др.]). А в Шань-Инском Китае властителями стали прежде зависимые от него чжоусцы (см.: [Васильев 1993: 184–185; Крил 2001: 48–61]).

Все это говорит о том, что следует иметь в виду не только процессы в отдельном государстве, но и эволюцию государственности в целом, поскольку для последней регресс в одних обществах обеспечивает прогресс в других⁴⁰. Поиск более удачных решений в ранних государствах часто осуществлялся путем разрушения старого и создания на его месте нового. В результате процесс редиистрибуции власти обновлялся и приобретал более четкие черты.

Этот момент важен при обсуждении проблемы устойчивости ранних государств к децентрализации. Это действительно важная проблема для любой теории формирования государства (см.: [Gledhill 1994: 41]). Понятие редиистрибуции власти в определенной мере облегчает такое объяснение.

Р. Коэн рассматривает тенденцию к распаду как качественно менее свойственную государственным структурам, в то время как регулярный распад догосударственных образований он (как и Карнейро) считает важной характеристикой последних [Cohen 1981: 87–88]. Это в целом справедливо, хотя известно немало случаев устойчивых вожеств и неустойчивых государств (см., например: [Chabal, Feinman, Skalník 2004]).

Иными словами, способность не распадаться (как и не быть завоеванным) — черта почти идеального государства.

Близкими к этому были лишь немногие державы древности и Средневековья (о распадах государств см., например: [Tainter 1990]). Поэтому, мы думаем, более точно будет отметить, что уже *сами распады во многих ранних крупных государствах имели существенно отличные черты от распада негосударственных образований.*

1. Большую длительность объединенного состояния по сравнению с догосударственными образованиями и аналогами. Цикл устойчивого существования таких государств составлял многие десятки и даже сотни лет.

2. Стремление распавшихся территорий к новому объединению, память о единстве.

3. Частое появление конкурирующих между собой центров объединения, что в целом усиливает возможности объединения.

4. Развитие более сильной государственности на местах, поскольку происходит как бы ее спускание на местный уровень (появление местной администрации, столицы и пр.).

4. Редистрибуция власти и борьба за власть

В зависимости от конкретных обстоятельств и проблем редистрибуция власти касается самых разных вещей. В первую очередь, конечно, центр волнуется возможность аккумуляции военной силы в нужное время, а затем и полный контроль над войском всей страны. Но верховная власть не менее озабочена проблемой лояльности родовых начальников, эффективным контролем над сбором налогов и выполнением повинностей. Она стремится ограничить права местных правителей (вершить суд по определенным делам, вводить свои налоги и т.п.) и даже полностью заменить их на своих наместников. Важнейшим нервом редистрибуции порой становится борьба во круг порядка передачи престола, а также сужения или расширения контингента, обладающего какими-то политическими правами (вроде голосования) или из которого черпаются функционеры; дарование или отбирание привилегий.

Редистрибуция власти периодически перерастает в борьбу за власть, в ходе которой нередко, собственно, и реализуется процесс качественного развития государственной структуры (см., например, об этом процессе в Спарте, Афинах, Римской республике: [Гринин 2010: 115–117]). Здесь

следует отметить, что сама редистрибуция власти, равно как и ее передел, в первую очередь затрагивают интересы тех, у кого концентрируется власть, то есть знатных и богатых, а также корпорации разного рода. Вот почему раннее государство часто оказывается враждебным знати как при демократии, так и при монархии (а не орудием укрепления власти знати в отношении народа, как считает марксизм)⁴¹.

Чаще всего политическая власть борется либо с аристократией, либо со жречеством. На Гавайях в скором времени после объединения архипелага происходит существенное усиление политической власти правителя за счет ослабления жречества [Service 1975: 158; Davenport 1969: 17], хотя это и наносило вред концепции священного ранга вождя [Davenport 1969: 17]. По мнению Сервиса, новые правители в государстве нередко вообще склонны рассматривать старое жречество как преграду на пути укрепления и абсолютизации их власти [Service 1975: 158].

К месту будет вспомнить и реформы Монтесумы II в начале XVI в. в империи ацтеков, который сократил численность знати, запретил многим из них под предлогом сомнительного происхождения доступ к государственной службе и отменил их привилегии [Kurtz 1978: 176; Trigger 2001: 61]. Примером постоянной борьбы с высшей аристократией являются многие ранние государства Африки, где царская власть была не наследственной, а выборно-наследственной. В результате существовала функциональная зависимость между выборно-наследственным характером царской власти и наличием в раннегосударственном аппарате совета знати, одной из функций которого являлись выборы царя [Кочакова 1995: 161]. Таким образом, «двуединство и борьба за власть царя и царского двора, с одной стороны, и совета родовой по происхождению знати, связанной через цепочку носителей должности с низовыми общинами, — с другой, составляло главную характерную черту структуры формирующегося аппарата и основное содержание политического соперничества в ранних государствах» [Там же]. В результате главной тенденцией царской власти в области формирования властно-управленческих структур было стремление к созданию дворцовой организации, независимой от родовой знати [Там же].

* * *

Завершая эту часть статьи, вновь повторим: и ранние государства, и аналоги принципиально отличаются от стадияльно догосударственных обществ по размерам, уровню сложности, объему прибавочного продукта и т.п. Различия же между ранними государствами и их аналогами лежат главным образом не в количественных показателях, а в особенностях политического устройства и способах управления обществом. Вот почему для отличения раннего государства от его аналогов требуются особые критерии (совсем иные, чем те, что отличают ранние государства и аналоги от стадияльно догосударственных обществ). Для решения этой задачи — выделения среди всех сложных обществ ранних государств и возможности определить, является ли полития ранним государством или его аналогом? — нами были выделены четыре крупных признака-критерия: особые свойства верховной власти; новые принципы управления; нетрадиционные и новые формы регулирования жизни общества; редистрибуция власти.

На наш взгляд, проведенный на их основе анализ особенностей ранних государств доказывает релевантность и продуктивность этих критериев.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. АНАЛОГИ РАННЕГО ГОСУДАРСТВА И МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВОГЕНЕЗА

Эволюционные условия появления ранних государств

Для адекватного анализа эволюции политических форм равно важно учитывать: а) *стадияльную равноправность между аналогами раннего государства и ранним государством*, поскольку раннее государство являлось лишь одной из многих форм организации сложных обществ, которая стала типичной только в ходе длительного эволюционного отбора; б) *их эволюционную неравноправность*, так как в конечном счете именно государство оказалось ведущей политической формой организации обществ. Все остальные, длительное время альтернативные ему в конце концов либо

преобразовались в государство, либо исчезли, либо превратились в боковые или тупиковые виды.

Данный подход дает больше возможностей для понимания того, при каких условиях появятся ранние государства. Мы полагаем, что следует говорить о двух типах условий, необходимых для появления государства: а) объективных; б) особых, то есть конкретно-исторических. К последним добавляется также: в) возникновение экстремальных ситуаций, служащих триггером (толчком, импульсом, спусковым крючком).

Объективные условия — это характеристики, которые уже дают потенциальную возможность политиям трансформироваться в государство. Условия образования государства невозможно рассматривать вне количественных и качественных характеристик общества, в котором такие процессы происходят⁴². Таким образом, до обретения обществом объективных условий (показателей, параметров) ни при каких благоприятных обстоятельствах государство образоваться не может. После их обретения обществом оно уже может стать государством.

Бифуркационная развилка объективных условий. Объективные условия сами по себе еще не означают, что общество непременно создаст государственную организацию. Поэтому после их появления политики могут продолжать развиваться, но только своими особыми путями, без создания раннегосударственных форм, то есть как бы параллельным государственногенезу курсом. Иными словами, *в ситуациях, когда сложились объективные условия для формирования раннего государства, но не хватает конкретно-исторических (и/или не возникло экстремальных ситуаций), возникают различные типы аналогов ранних государств.*

Таким образом, для формирования раннего государства нужны особые **конкретно-исторические условия**. Особенности географического положения (выход к морю, нахождение на важных торговых путях или, напротив, удаленность от других обществ), экологические условия, интенсивность контактов внутри общества и между обществами, соответствующее окружение (например, наличие развитого, опасного или слабого соседа), конституционные особенности общества, наличие или отсутствие подходящих исторических

традиций — все это и другое могло как способствовать, так и препятствовать трансформации политики в раннее государство⁴³. Следовательно, при одних и тех же объективных данных — размере, уровне социокультурной и/или политической сложности — в одних ситуациях *при наличии конкретных благоприятных условий* уже возникает возможность начать трансформацию в государство, а в других (*при отсутствии благоприятных условий*) — нет.

Экстремальные ситуации (триггеры). Для перехода к государству важными являются возникновение экстремальных ситуаций, связанных с резким изменением привычной жизни и необходимостью новых решений и реформ, стремлением перераспределить власть (например, внешняя опасность, удачный захват, важное техническое или социальное изобретение), появление особо выдающегося лидера (см., например: [Миллер 1984: 216]) и т.п. Такие экстремальные условия могут сыграть роль спускового крючка, запускающего процесс государствогенеза в тех обществах, где для этого сложились объективные и конкретно-исторические условия (например: [Гринин 2002: 51; 2011: 179; Grinin 2002; 2003; 2009]).

Крайне значимо, что к существенно близким выводам пришел и Х.Й.М. Классен. Например, в статье «Было ли неизбежным появление государства?» [Claessen 2002; 2004; Классен 2006] он писал, что «только когда в обществе одновременно присутствует несколько выявленных нами условий и происходит какое-то дающее толчок событие, начнется развитие раннего государства, причем между “необходимыми условиями” должна существовать положительная обратная связь. Именно в таких случаях появление раннего государства было неизбежным». Однако, как указывает Классен, имелось много обществ, в которых не все из этих условий создавались либо «такие дающие толчок события не происходили... и в конечном итоге раннее государство не возникало»⁴⁴.

Модели государствогенеза

Многие аналоги могли и превращались в конечном счете в государство. Однако такой переход осуществляется по достижении уже весьма высокого уровня развития и сложности, вполне сравнимого с уровнем многих государственных

ных обществ. Ведь общество, достигая размера и уровня сложности, с которых переход к государству в принципе уже возможен, могло продолжать развиваться, но по собственной траектории, иногда очень долго не создавая раннегосударственную политическую форму⁴⁵. Неудивительно, что уровень, с которого разные аналоги могли становиться государством, сильно варьировал. Одни аналоги трансформируются в государство, имея население в 10–15 тыс. человек, другие — уже много десятков тысяч, а третьи — сотни тысяч (см.: [Гринин 2006в; Grinin 2003; 2004с; Гринин, Коротаев 2009]). Таким образом, *переход к государству в разных обществах осуществлялся фактически не с одинакового, а с разных уровней социокультурной и политической сложности.*

Удалось определить две базовые модели образования раннего государства:

1) **вертикальная**, то есть непосредственное преобразование в раннее государство стадияльно догосударственных небольших политий путем их укрупнения или объединения. Такой путь отмечен для бецилеу на Мадагаскаре в начале XVII в. [Kottak 1980; Claessen 2000; 2004]; такой способ был характерен и для греческих обществ [Глускина 1983: 36; см. также: Фролов 1986: 44], и для Междуречья конца IV и III тыс. до н. э. [Дьяконов 1983: 110]. Реже таким способом рождались крупные государства, например, государство зулусов в начале XIX в., которое очень быстро (буквально за два–три десятилетия) из конгломерата вожеств стало империей [Бюттнер 1981: 184; Риттер 1968; Service 1975: 109; Gluckman 1960]. Вертикальная модель была более редким путем, по крайней мере до тех пор, пока государственность не стала широко распространенной;

2) **горизонтальная**: сначала образовывались аналоги раннего государства, вполне сопоставимые по своей сложности с государством, а уже потом эти аналоги трансформировались в государство. Причем на заключительном этапе такой переход достаточно часто происходит быстро. Это может быть связано как с объединением нескольких аналогов в более крупное государство, например, путем военного объединения (так происходил процесс у гавайцев), так и с изменениями внутри одного аналога (как это было у скифов).

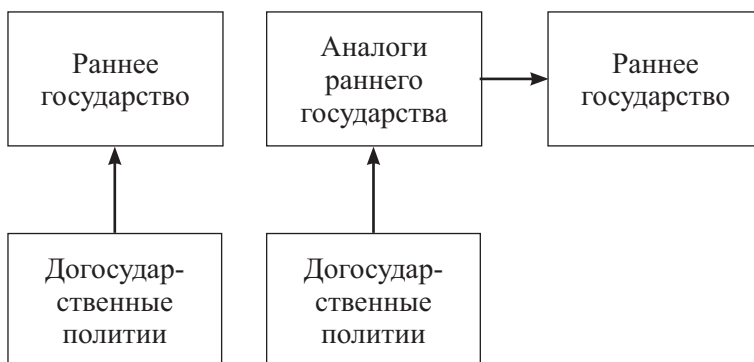

Рис. 1. Две модели перехода к раннему государству

Следовательно, общество может трансформироваться в раннее государство:

1) со стадияльно догосударственного уровня, например, путем синойкизма небольших общин (см. приведенные выше примеры: бецилеу на Мадагаскаре; греческие общества, Междуречье конца IV и III тыс. до н. э.);

2) с уровня аналогов малого государства (возможно, именно на таком уровне зарождалась империя Чингисхана);

3) с уровня аналогов среднего государства (например, Гавайи);

4) и даже с уровня аналогов крупного государства (например, скифы в начале IV в. до н. э.).

Такие подходы, как нам кажется, позволяют полнее увидеть эволюционные альтернативы в политогенезе раннему государству на любом уровне сложности и развитости раннего государства. Они также объясняют причины сильного расхождения во взглядах исследователей на то, какие объективные количественные параметры необходимы для образования государства.

¹ Необходимость отдельной дефиниции для раннего государства заключается в том, что в ранних государствах наиболее яркие признаки государства еще не проявились (по этой причине, кстати, некоторые исследователи вообще не признают ранние государства как государства). Подробное обоснование дефиниций государства и раннего

государства, а равно анализ различных определений государства см.: [Гринин 2011, гл. 1: 21–32; Гринин, Коротаев 2009: 210–214; 2010].

² См., например: [Alexeev et al. 2004; Beliaev et al. 2002; Bondarenko 2000; 2006; Bondarenko, Grinin, Korotayev 2002; Bondarenko, Korotayev 2000a; 2000b; Bondarenko, Sledzevski 2000; Crumley 1995; 2001; Grinin разл. соч.; Grinin et al. 2004; Grinin, Korotayev 2006, 2009; Korotayev 1995; Kradin et al. 2000; Kradin, Bondarenko, Barfield 2003; Kradin, Lynsha 1995; McIntosh 1999; Possehl 1998; Schaedel 1995; Бондаренко 1995; 2000; 2001; Бондаренко, Гринин, Коротаев 2010; Бондаренко, Коротаев 2002; Гиренко 1993; Гринин 1997 и др. соч.; Гринин и др. 2006; Гринин, Коротаев 2009; 2010; Коротаев 1995a; 1995b; 1997; 2000a; 2000b; Крадин, Лынша 1995; Крадин, Коротаев и др. 2000; Попов 1995a; 1995b; 2000; Штырбул 2006, 2007].

³ Сложные общества могли, напротив, усилить концентрацию населения, в результате чего появлялись города, что, соответственно, уменьшало площадь политики.

⁴ Пункты «а» и «д» подробно описаны Классеном и Скальником, правда, только в отношении ранних государств [Claessen, Skalnik 1978a; 1978b; 1978c; 1978d].

⁵ Но следует отметить, что Классен в последних своих работах в известной мере признал излагаемую в данной статье концепцию аналогов ранних государств (например: [Claessen 2010: 30, 43–44]), а в личных письмах автору статьи высказывался в том смысле, что эта концепция существенно дополняет теорию эволюции государства. О трудностях классификации обществ, уже переросших договорственный уровень, но не ставших государством, см.: [Lloyd 1981: 233; Marcus, Feinman 1998: 6; см. также: Doornbos 1994; Schaedel 1995].

⁶ Так же как, скажем, различение индустриальных капиталистических государств и доиндустриальных, а также индустриальных капиталистических и социалистических требует двух методологических процедур.

⁷ В Греции были политические образования, не имевшие собственных городских центров, однако воспринимавшихся и самими гражданами, и другими эллинами как полисы (см.: [Кошеленко 1983: 10]).

⁸ По населению Исландии есть и другие оценки (см.: [Хизриева 2002: 78; Хьяульмарссон 2003: 27]), но они представляются сильно завышенными.

⁹ Единственный критерий принадлежности к казачеству состоял в признании над собой власти казацкого суда [Петкевич 2006b: 285].

¹⁰ Например, победитель римлян в Тевтобургском лесу в 9 г. н. э., вождь херусского союза Арминий, погиб в результате заговора херусской знати, недовольной его стремлением к единовластию (см.: [Колосовская 2000: 43; СИЭ 1967: 746]). И это только один из очень

многих фактов, свидетельствующих о почти повсеместной борьбе центробежных и центростремительных сил в политогенезе и государствогенезе.

¹¹ При этом, по мнению Хазанова [2008: 295], по-видимому, нигде зависимость одних групп кочевников от других в рамках единой социально-экономической и политической системы не зашла так далеко, как у северных туарегов.

¹² У горцев развитие часто идет не путем создания крупных территориальных или этнических образований, а по линии более четкого обособления локальных сегментов (типа общин или независимых кланов). Вследствие этого социальная и политическая организация горских народов включает сумму автономных общин, которые являются основными ячейками общества (см.: [Маретина 1995: 81–82]; см. также: [Коротаев 1995б]).

¹³ Т.Д. Скрынникова [1997; см. также: Skrynnikova 2004: 525] даже империю Чингисхана рассматривает как предгосударственное и предполитическое общество (суперсложное вождество). На наш взгляд, это неправомерно. Мы однозначно относим эту политику к ранним государствам и в этом отношении разделяем мнение большинства кочевниковедов (обзор мнений см.: [Базаров и др. 2004: 7]; см. также: [Васютин 2004; Барфилд 2004]). См. также работу Хазанова [2008], с мнением которого в данном случае (но не в отношении скифской политики) мы согласны.

¹⁴ Цари продолжали жить по традиции в стойбищах в окружении своих князей и конников, охотников и скота. Такую же жизнь вели и вожди племен, и вожди меньшего ранга. Устраивались ежегодные собрания воинов [Райс 2004: 50–51]. Раз в год воины собирались на пиру у царя, где хвастались своими подвигами [Там же]. Это была не слишком активная для государства политическая жизнь на верхнем уровне системы, но как раз похожая на ритм жизни аналогов, где ежегодных собраний оказывалось достаточно, чтобы решать основные политические и судебные дела (как это было, например, в Исландии).

¹⁵ Но отметим, что по вопросу о времени возникновения государства у скифов, а также о том, имелось ли у них государство вообще, нет единой точки зрения (см., например: [Смирнов 1966: 146–150; Гуляев 2005: 232–239]).

¹⁶ По словам М.Э. Смит, вождества часто доставляют «беспокойство» исследователям из-за того, что есть большие расхождения, отнести ли данную политику к высшему вождеству или раннему государству [Smith 1985: 97], а некоторые, как Уэбб [Webb 1975, цит. по: Smith 1985: 97], даже считали вождества, за отдельными исключениями, эволюционным тупиком, указывая, что те вождества, которые могут превратиться в государство, лучше определять как зарождающиеся государства (“incipient states”).

¹⁷ И, кстати, этот факт отмечается даже теми, кто считает такие вождества догосударственными обществами в стадильном смысле (см.: [Carneiro 1981; Карнейро 2000: 90]).

¹⁸ Отметим, что в Чжоуском Китае особая роль родственного статуса в кланах правителя во многом определялась тем, что чжоусцы были сравнительно малочисленным этносом в покоренной стране (так же, впрочем, было и во многих других государствах, например, в Киевской Руси). Кроме того, на административные должности назначали не только родственников правителя, но и аристократов, имевших способности и заслуги. Многие должности были наследственными, но это вовсе не было строгой нормой. «Людей назначали на пост и повышали по службе на основе их личных качеств и способностей» [Крил 2001: 88; см. также: Васильев 1993: 187 и др.]. И это, на наш взгляд, существенным образом отличает Западную Чжоу как раннее государство от Гавайев как аналога раннего государства.

¹⁹ При этом он вместе с приближенными демонстративно нарушил ряд наиболее строгих табу (см.: [Service 1975: 155–157; Латушко 2006]), в частности открыто вошел к своим женам и стал вместе с ними есть.

²⁰ Хотя последние исследования показывают, что разрыв в уровне городов и поселений не был столь радикальным, как это представлялось ранее.

²¹ Такие названия происходят от наименования племени «черные олени», которое стало господствующим [Итс, Яковлев 1967: 79].

²² Кстати, в однолинейных периодизациях XVIII в. (Тюрго, Барнава, Робертсона, Миллара, Фергюсона, А. Смита, Десницкого и др.) на этом основании скотоводство стадильно предшествовало земледелию. И такое ошибочное представление держалось примерно до середины XIX в. (см.: [Илюшечкин 1986: 15]; см. также: [Шнирельман 1980: 7–10]).

²³ Но надо непременно учитывать, что между мельчайшими и даже мелкими ранними государствами, с одной стороны, и их аналогами — с другой — различия порой становятся малозаметными просто из-за того, что небольшой размер делает ненужными многие административные институты, учреждения, функции. Не с этим ли во многом связаны и споры по поводу разделения таких политий на государственные или негосударственные? Также надо иметь в виду, что для образования малого государства, как нам представляется, нередко требуется больше населения, чем для его жизнедеятельности, поскольку позже такое государство может распасться или разделиться, создав меньшие по размерам государства, чем было первоначальное.

²⁴ Потребность в консенсусе «вызывает отсутствие стабильности в центре конфедерации и ведет к потере связи с “окраинами”» [Фентон 1978: 114].

²⁵ Классен и Скальник подчеркивали, что переход к государственности вызывает эффект снежного кома: если ком пришел в движение, то он движется все быстрее и быстрее [Claessen, Skalnik 1978a: 624–625].

²⁶ Особый отделенный от населения аппарат управления становится обязательным признаком только следующего эволюционного типа государства — развитого (см.: [Гринин 2010: 188]).

²⁷ Там, где оно выполняет производственные задачи, соответственно и управленцев требуется больше. Наконец, наличие достаточно развитого рынка делает ненужным часть управленцев, появляющихся в ряде государств в отсутствие рынка.

²⁸ Иногда говорят о делегировании задач [Claessen 1978: 576] или «делегируванном принятии решений» [Spencer 2000: 157], но это только часть указанного нами принципа.

²⁹ В Китае еще на самой заре формирования государства появляется «сентенция, уподобляющая государственное устройство строению человеческого тела, а именно: государь — это голова, а сановники или же чиновники — это его руки и ноги, глаза и уши» [Бокшанин 1998a: 213]. Аналогичный образ использовался и гавайцами, но уже после формирования там государства в XIX в. (см.: [Johnson, Earle 2000: 302]).

³⁰ В частности, специализация деятельности по кланам могла являться одним из источников формирования аппарата и принуждения. См. об этом процессе, например, в Древней Японии с VI века н. э.: [Patterson 1995: 131–132; см. также: Дьяконова 1989: 214; Пасков 1987; Мещеряков, Грачев 2003].

³¹ Но даже в бюрократических ранних государствах управленцы мало или вовсе не походили на тот тип чиновников, о котором писал Вебер [Weber 1947: 333–334].

³² То есть членов родственной группы, только из представителей которой выделялись управленцы и функционеры на определенные должности.

³³ См. о роли слуг, рабов и прочих неполноправных в управлении, армии и других органах в разных обществах — в Египте в Древнем царстве: [Janssen 1978: 223]; в Древней Руси: [Платонов 1994: 129; Ключевский 1937, т. 1]; в государствах Африки: [Кочакова 1986: 255; Кобищанов 1974: 168–169; Годинер 1982: 94–96; Киселев 1985: 98–102; Орлова, Львова 1978: 253; Куббель 1976: 107–108].

³⁴ В знаменитом древнеиндийском трактате о политике «Артхашастра», написанном, как предполагают, Каутильей, министром царя Чандрагупты, в конце IV в. до н. э., очень много места уделено сведениям о контроле над теми, кто выполнял роль «надзирателей» за подданными и «элементами царства», и «проверке исполнения ими традиционных или специально оговоренных норм, договоров, обязательств, проверке честности при передаче в казну должной части дохода, а также осуществлении наказаний, штрафования и устранении нарушителей... тех, кто присваивал царское имущество, царскую долю

доходов и т. д.» [Лелюхин 2000: 37, 42]. Такие проблемы типичны для многих ранних государств.

³⁵ Как это было, например, у зулусов при Чаке. Последний вел бесконечные войны и был заинтересован в возможно большей численности армии. Поэтому он чрезмерно усилил традицию, согласно которой юноши могли жениться только после прохождения своего рода военного обучения в военных лагерях. Чака запрещал воинам жениться в течение многих лет, поскольку они непрерывно находились на военной службе. Такое право он давал только за особые заслуги отдельным воинам или целым частям (см.: [Риттер 1968]).

³⁶ Например, в Исландии (см.: [Ольгейрссон 1957: 179–186, 189–191]).

³⁷ Об их роли согласно уже упоминавшейся «Артхашастре» в Индии в IV в. до н. э. см.: [Лелюхин 2000; Лелюхин, Любимов 1998; Lelioukhine 2000: 272; Mishra P., Mishra J. 2002; Косамби 1968: 169].

³⁸ Х.Й.М. Классен и Я.Г. Остин подчеркивали, что в ранних государствах часто ситуация, когда правитель и центральная элита поощряют сохранение и укрепление центральной власти, а местные элиты стремятся к децентрализации. На практике эти попытки выливаются скорее в поиск «баланса власти» и в соперничество за важные должности, чем в доминирование центрального правителя над высшей стратой [Claessen, Oosten 1996].

³⁹ Упорядоченная централизация власти — характерная черта уже нового эволюционного типа государства — развитого (см., например: [Гринин 2006а; 2010; Grinin 2008а]).

⁴⁰ «Распад и смена одних “имперских” образований другими в XIX в., перемещение “имперских” политических центров были проявлением поступательного развития ранней африканской государственности...» [Кочакова 1986: 270] (см. также: [Ambrosino 1995; Kowalewski et al. 1995]).

⁴¹ Параллельно с этим может идти расширение прав и привилегий новой элиты, на которую верховная власть пытается опереться, но с которой в будущем она в свою очередь может начать борьбу.

⁴² Многие исследователи единодушны в том, что для этого необходимы определенный размер и уровень социополитической сложности (см., в частности: [Claessen 1978: 586–588]). Правда, в отношении того, какие минимальные параметры требуются для появления зачаточного государства (особенно в отношении численности населения), есть большие расхождения (см. подробнее: [Feinman 1998: 97–99; Grinin 2010: 16–20; Grinin 2003; 2009а]).

⁴³ Так, на Таити и Гавайях объективные условия для образования государства появились задолго до конца XVIII в. (см. выше), но только после открытия островов европейцами и распространения огнестрельного оружия начался процесс их трансформации в государство.

⁴⁴ Наш подход, однако, имеет важные отличия. Во-первых, мы выделяем не только объективные условия и триггеры, но и конкретно-исторические условия, без которых возможность возникновения нужного толчка резко уменьшается (о других различиях см.: [Гринин 2006а; 2011: 242–243]); во-вторых, к числу важнейших толчков, в отличие от Классена, мы в первую очередь относим военный фактор [Гринин 2001–2006 и др. соч.; Grinin 2003; 2004с; Grinin, Коротаев 2009], а также и такие сопутствующие ему, как заимствование новых видов оружия, особенно огнестрельного, как это произошло, например, на Мадагаскаре в XVII в. [Дешан 1984: 353; Ратцель 1902, т. 1: 445], на Таити и Гавайях в XVIII в. [Service 1975]. Но нельзя не указать, что взгляды Х.Й.М. Классена на роль военного фактора в процессе государствогенеза в последние годы изменились (например: [Claessen 2006; 2010; см. также: Grinin 2011: 223, сн. 170]).

⁴⁵ Либо не создавая ее никогда.

Аверкиева Ю.П. 1973. О путях распада родового строя // Основные проблемы африканистики. Этнография. История. Филология / ред. Ю.В. Бромлей. М.: Наука. С. 51–57.

Агларов М.А. 1988. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII — начале XIX в. М.: Наука.

Александренков Э.Г. 1976. Индейцы Антильских островов. М.: Наука.

Андреев И.Л. 1998. Тайные общества как альтернативный государству механизм властного регулирования традиционных отношений в странах Тропической Африки // АОКЯ. С. 38–53.

Антонова Е.В. 2004. Древнейшая Индия // ИДВ. С. 59–96.

Архенгольц Ф. 1991. История морских разбойников Средиземного моря и океана. М.: Новелла.

Баглай В.Е. 1995. Древнеацтекское государство: структура власти и управления // РФПО. С. 230–258.

Базаров Б.В., Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д. 2004. Введение: Кочевники, монголосфера и цивилизационный процесс // МИКМ. С. 3–18.

Барфилд Т.Дж. 2004. Монгольская модель кочевой империи // МИКМ. С. 254–269.

Барфилд Т.Дж. 2006. Мир кочевников-скотоводов // РГАА. С. 415–441.

Барфилд Т.Дж. 2009. Теневые империи: формирование империй на границе Китая и кочевников // МИКМ. Кн. 3.

Батыр К.И., Поликарпова Е.В. (ред.). 1996. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. М.: Юрист. Т. 1.

Белков П.Л. 1993. Социальная стратификация и средства управления в доклассовом и предклассовом обществе // РФСС. С. 71–97.

- Берве Г.* 1997. Тираны Греции: пер. с нем. Ростов н/Д: Феникс.
- Березкин Ю.Е.* 1991. Инки. Исторический опыт империи. Л.: Наука.
- Бессмертный Ю.Л.* 1972. Возникновение Франции // История Франции: в 3 т. / ред. А.З. Манфред. Т. 1. М.: Наука. С. 9–68.
- Бобровников В.О.* 2002. Берберы (XIX — начало XX в. н. э.) // ЦМП. С. 177–195.
- Бокщанин А.А.* 1998а. Зарождение административно-управленческого аппарата в Древнем Китае // ГИО. С. 204–224.
- Бокщанин А.А.* 1998б. Сложение государственно-административных институтов в Китае (эпоха Шан-Инь, XVI — середина XI в. до н. э.) // ГИО. С. 225–249.
- Бонгард-Левин Г.М.* 1973. Индия эпохи Маурьев. М.: Наука.
- Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф.* 1969. Древняя Индия. Исторический очерк. М.: Наука.
- Бондаренко Д.М.* 1995. Бенин накануне первых контактов с европейцами. Человек. Общество. Власть. М.: Институт Африки РАН.
- Бондаренко Д.М.* 2000. «Гомологические ряды» социальной эволюции и альтернативы государству в мировой истории // АПЦ С. 198–206.
- Бондаренко Д.М.* 2001. Доимперский Бенин: формирование и эволюция социально-политических институтов. М.: Институт Африки РАН.
- Бондаренко Д.М., Гринин Л.Е., Коротаев А.В.* 2010. Социальная эволюция: альтернативы и варианты (к постановке проблемы) // Эволюция: проблемы и дискуссии / ред. Л.Е. Гринин, А.В. Марков, А.В. Коротаев. М.: ЛКИ. С. 120–159.
- Бондаренко Д.М., Коротаев А.В.* (ред.). 2002. ЦМП.
- Бочаров В.В.* 1991. Политические системы Тропической Африки: от племени к государству // ПГА. С. 65–75.
- Бродель Ф.* 1995. Что такое Франция?: пер. с фр. М.: Изд-во им. Сабашниковых. Т. 2. Ч. 1
- Буданова В.П.* 1990. Готы в эпоху Великого переселения народов. М.: Наука.
- Буданова В.П.* 2000. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.: Наука.
- Бюттнер Т.* 1981. История Африки с древнейших времен: пер. с нем. М.: ГРВЛ.
- Васильев Л.С.* 1993. История Востока: в 2 т. М.: Высшая школа. Т. 1.
- Васютин С.А.* 2002. Типология потестарных и политических систем кочевников // КАСЭ. С. 86–98.
- Васютин С.А.* 2004. Монгольская империя как особая форма ранней государственности? (к дискуссии о политических системах кочевых империй) // МИКМ. С. 269–287.

- Вейнберг И.П.* 1989. Сирия, Финикия и Палестина в первой половине I тысячелетия до н. э. // ИДМ. Кн. 2. С. 95–114.
- Вигасин А.А.* 2000. Древняя Индия // ИВ. С. 389–432.
- Вильсон Д.* 2004. Англосаксы. Покорители кельтской Британии: пер. с англ. М.: ЗАО «Центрполиграф».
- Владимирцов Б.Я.* 1934. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР.
- Влит Э.Ч.Л. ван дер.* 2006. Полис: проблема государственности. Раннее государство, его альтернативы и аналоги // РГАА. С. 387–412.
- Воробьев Д.В.* 2002. Ирокезы (XV–XVIII вв. н. э.) // ЦМП. С. 159–176.
- Гиоргадзе Г.Г.* 1989. Ранняя Малая Азия и Хеттское царство // ИДМ. Кн. 1. С. 212–234.
- Гиоргадзе Г.Г.* 2000. Ранняя Малая Азия и Хеттское царство // ИВ. С. 113–127.
- Гиренко Н.М.* 1993. Племя и государство: проблемы эволюции // РФСС. С. 122–131.
- Глускина Л.М.* 1983. Проблемы кризиса полиса // Античная Греция. Проблемы развития полиса / отв. ред. Е.С. Голубцова. М.: Наука. Т. 2: Кризис полиса. С. 5–42.
- Голден П.* 2004. Кипчаки средневековой Евразии: пример негосударственной адаптации в степи // МИКМ. С. 103–134.
- Гомеров И.Н.* 2002. Государство и государственная власть: предпосылки, особенности, структура. М.: ЮКЭА.
- Годинер Э.С.* 1982. Возникновение и эволюция государства в Буганде. М.: Наука.
- Годинер Э.С.* 1991. Политическая антропология о происхождении государства // Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения / ред. С.Я. Козлов, П.И. Пучков. М.: Наука. С. 51–78.
- Граков Б.Н.* 1971. Скифы. М.: МГУ.
- Гринин Л.Е.* 1997. Формации и цивилизации. Гл. 4: Социально-политические, этнические и духовные аспекты социологии истории // Философия и общество. № 5. С. 5–63.
- Гринин Л.Е.* 2001–2006. Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации (общий контекст социальной эволюции при образовании раннего государства). [Книга печаталась в журнале «Философия и общество» с 2001 по 2006 г.]
- Гринин Л.Е.* 2002. Характеристики и признаки раннего государства // Философия и общество. № 3. С. 5–73.
- Гринин Л.Е.* 2006а. От раннего к зрелому государству // РГАА. С. 523–556.
- Гринин Л.Е.* 2006б. Раннее государство и демократия // РГАА. С. 337–386.

Гринин Л.Е. 2006в. Раннее государство и его аналоги // РГАА. С. 85–163.

Гринин Л.Е. 2007а. Аналоги раннего государства: альтернативные пути эволюции // Личность. Культура. Общество. Т. IX. Вып. 1 (34). С. 149–169.

Гринин Л.Е. 2007б. Зависимость между размерами общества и эволюционным типом политики // История и математика: анализ и моделирование социально-исторических процессов / ред. А.В. Коротаев, С.Ю. Малков, Л.Е. Гринин. М.: КомКнига. С. 263–303.

Гринин Л.Е. 2008. О некоторых особенностях политогенеза в кочевых и варварских обществах // МИКМ. С. 58–92.

Гринин Л.Е. 2010. Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: От раннего государства к зрелому. 2-е изд., испр. М.: Либроком.

Гринин Л.Е. 2011. Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства. Общий контекст социальной эволюции при образовании государства. 2-е изд. М.: Либроком.

Гринин Л.Е., Коротаев А.В. 2009. Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации Мир-Системы. М.: Либроком.

Гринин Л.Е., Коротаев А.В. 2010. Политическая эволюция Мир-Системы: формальный и количественный анализ // ИМ. С. 52–118.

Гуляев В.И. 2005. Скифы: расцвет и падение великого царства. М.: Алетейя.

Гумилев Л.Н. 1993. Хунну. СПб.: Тайм-Аут-Компасс.

Гуревич А.Я. 1972. История и сага. М.: Наука.

Гуревич А.Я. 1980. Образование раннефеодального государства в Норвегии (конец IX — начало XIII в.) // История Норвегии / ред. А.С. Кан. М.: Наука. С. 126–151.

Дешан Ю. 1984. История большого острова // История Тропической Африки (с древнейших времен до 1800 г.) / ред. Д.А. Ольдерогге. М.: ГРВЛ. С. 345–357.

Дьяконов И.М. 1951. Реформы Уракагины в Лагаше // ВДИ. № 1. С. 15–32.

Дьяконов И.М. 1956. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

Дьяконов И.М. (ред.). 1983. История Древнего Востока. ГРВЛ. М. Т. 1: Месопотамия.

Дьяконов И.М. 2000а. Города-государства Шумера // ИВ. С. 45–56.

Дьяконов И.М. 2000б. Переход к территориальному государству в Месопотамии // ИВ. С. 57–66.

Дьяконова Е.М. 1989. Древняя Япония // ИДМ. Кн. 3. С. 211–219.

Ёрл Т.К. 2002. Гавайские острова (800–1824 гг.) // ЦМП. С. 77–88.

Залесский Н.Н. 1959. Этруски в Северной Италии. Л.: ЛГУ.

Илюшечкин В.П. 1986. Сословно-классовое общество в истории Китая (опыт системно-структурного анализа). М.: Наука.

Итс Р.Ф., Яковлев А.Г. 1967. К вопросу о социально-экономическом строе ляншанской группы народности и // ОСО. С. 64–106.

Карнейро Р.Л. 2000. Процесс или стадии: ложная дихотомия в исследовании истории возникновения государства // АПЦ. С. 84–94.

Киселев Г.С. 1985. Доколониальная Африка. Формирование классового общества (состояние проблемы и перспективы ее разработки). М.: Наука.

Классен Х.Дж.М. 2006. Было ли неизбежным появление государства? // РГАА. С. 71–84.

Ключевский В.О. 1937. Курс русской истории: в 4 ч. М.: Соцгиз. Ч. 1.

Кобищанов Ю.М. 1974. Африканские феодальные общества: воспроизводство и неравномерность развития // Африка: возникновение отсталости и пути развития / ред. Л.Е. Куббель. М.: Наука. С. 85–290.

Кобищанов Ю.М. 1989. Туареги в истории Африки // Туареги Ахаггара / ред. А. Лот. М.: Наука. С. 232–245.

Колесницкий Н.Ф. 1963. Об этническом и государственном развитии средневековой Германии (VI–XIV вв.) // Средние века. Вып. 23. С. 183–197.

Колосовская Ю.К. 2000. Рим и мир племен на Дунае I–IV вв. н. э. М.: Наука.

Кортаев А.В. 1995а. Апология трайбализма: Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ // Социологический журнал. № 4. С. 68–86.

Кортаев А.В. 1995б. Горы и демократия: к постановке проблемы // АПРГ. С. 77–93.

Кортаев А.В. 1997. Сабейские этюды. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейской цивилизации. М.: Восточная литература.

Кортаев А.В. 2000а. От государства к вожеству? От вожества к племени? (Некоторые общие тенденции эволюции южно-аравийских социально-политических систем за последние три тысячи лет) // РФСО. С. 224–302.

Кортаев А.В. 2000б. Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ (в основном по материалам Северо-Восточного Йемена) // АПЦ. С. 265–291.

Кортаев А.В., Гринин Л.Е. 2010. Политическое развитие Мир-Системы и урбанизация: сравнительный количественный анализ // ИМ. С. 119–188.

Корсунский А.Р., Гюнтер Р. 1984. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение варварских королевств (до середины VI в.). М.: МГУ.

Косамби Д. 1968. Культура и цивилизация Древней Индии: пер. с англ. М.: Прогресс.

Кочакова Н.Б. 1986. Рождение африканской цивилизации (Ифе, Ойо, Бенин, Дагомея). М.: ГРВЛ.

Кочакова Н.Б. 1991. Вождество и раннее государство (подходы к изучению и сравнительный анализ) // ПГА. С. 51–64.

Кочакова Н.Б. 1995. Размышления по поводу раннего государства // РФПО. С. 153–164.

Кочакова Н.Б. 1999. Раннее государство и Африка (аналитический обзор публикаций Международного исследовательского проекта «Раннее государство»). М.: Институт Африки РАН.

Кошеленко Г.А. 1983. Введение. Древнегреческий полис // Античная Греция. Проблемы развития полиса / отв. ред. Е.С. Голубцова. М.: Наука. Т. 1: Становление и развитие полиса. С. 9–36.

Крадин Н.Н. 1992. Кочевые общества. Владивосток: Дальнаука.

Крадин Н.Н. 2001а. Империя хунну. 2-е изд. Владивосток: Дальнаука.

Крадин Н.Н. 2001б. Кочевники в мировом историческом процессе // Философия и общество. № 2. С. 108–137.

Крадин Н.Н. 2002. Структура власти в кочевых империях // КАСЭ. С. 109–125.

Крадин Н.Н., Бондаренко Д.М. (ред.). 2002. КАСЭ.

Крадин Н.Н., Кортаев А.В., Бондаренко Д.М., Лыниша В.А. (ред.). 2000. АПЦ.

Крадин Н.Н., Лыниша В.А. (ред.). 1995. АПРГ.

Крил Х.Г. 2001. Становление государственной власти в Китае. Империя Западная Чжоу: пер. с англ. СПб.: Евразия.

Куббель Л.Е. 1976. Об особенностях классовообразования в средневековых обществах Западного и Центрального Судана // Становление классов и государств / ред. А.И. Першиц. М.: Наука. С. 87–123.

Куббель Л.Е. 1988. Возникновение частной собственности, классов и государства // История первобытного общества. Эпоха классовообразования / ред. Ю.В. Бромлей. М.: Наука. С. 140–269.

Кучма В.В. 1998. Государство и право Древнего мира. Курс лекций по истории государства и права зарубежных стран. Волгоград: Офсет.

Кузьмищев В.А. 1974. Инка Гарсиласо де ла Вега // Инка Гарсиласо де ла Вега. История государства Инков. Л.: Наука. С. 683–711.

Лапушко Ю.В. 2006. Трансформация гавайского общества (конец XVIII — середина XIX в.): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток: ДВО РАН.

Ле Гофф Ж. 1992. Цивилизация средневекового Запада: пер. с фр. М.: Прогресс.

Лелюхин Д.Н. 2000. «Тайная служба» в древнеиндийской политической теории // Политическая интрига на Востоке / ред. Л.С. Васильев. М.: Восточная литература. С. 35–44.

Лелюхин Д.Н., Любимов Ю.В. 1998. Проблема государства и его критериев. Введение // ГИО. С. 3–7.

Леру Ф. 2000. Друиды: пер. с фр. СПб.: Евразия.

Логинов А.В. 1988. Крики // НМ. С. 233.

Лот А. 1989. Туареги Ахаггара: пер. с фр. М.: Наука.

Львова Э.С. 1995. Складывание эксплуатации и ранней государственности у народов бассейна Конго // АПРГ. С. 151–164.

Мажуга В.И. 1990. Королевская власть и церковь во франкском государстве // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.) / ред. В.И. Рутенбург, И.П. Медведев. Л.: Наука. С. 46–70.

Макнамара Э. 2006. Этруски. Быт, религия, культура: пер. с англ. М.: ЗАО «Центрполиграф».

Маретина С.А. 1995. К проблеме универсальности вожеств: о природе вождей у нага (Индия) // РФПО. С. 79–103.

Массон В.М. 1989. Первые цивилизации. Л.: Наука.

Мельникова Е.А. 1987. Меч и лира. Англосаксонское общество в истории и эпосе. М.: Мысль.

Мелюкова А.И., Смирнов А.П. 1966. Киммерийцы, скифы, сарматы // ИДВНД. Т. 1. С. 214–225.

Мецзяков А.Н., Грачев М.В. 2003. История Древней Японии. СПб.: Гиперион-Триада.

Миллер Дж. 1984. Короли и сородичи. Ранние государства мбунду в Анголе: пер. с англ. М.: Наука.

Монгайт А.Л. 1974. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М.: Наука.

Морган Л.Г. 1934. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации: пер. с англ. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера.

Морган Л.Г. 1983 [1851]. Лига ходеносауни, или ирокезов: пер. с англ. М.: Наука.

Мортон А.Л. 1950. История Англии: пер. с англ. М.: ИЛ.

Мурзин В.Ю. 1990. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев: Наукова думка.

Неронова В.Д. 1989. Этруские города-государства в Италии // ИДМ. С. 369–381.

Неусыхин А.И. 1968. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (на материалах истории Западной Европы раннего средневековья) // Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1 / ред. Л.В. Данилова. М.: Наука. С. 596–617.

Новожилова Е.М. 2000. Традиционные тайные общества Юго-Восточной Нигерии (потестарные аспекты функционирования) // РФСО. С. 109–122.

Ольгейрссон Э. 1957. Из прошлого исландского народа. Родовой строй и государство в Исландии: пер. с исл. М.: ИЛ.

Орлова А.С., Львова Э.С. 1978. Страницы истории великой саванны. М.: Наука.

Османов М.О. 1988. Лезгины // НМ. С. 251–252.

Пасков С.С. 1987. Япония в раннее Средневековье. VII–XII века. Исторические очерки. М.: Наука.

Патрушев А.И. 2003. Германская история. М.: Весь мир.

Переломов Л.С. 1974. Китай в эпоху Лего и Чжаньго // История Китая с древнейших времен до наших дней / ред. Л.В. Симоновская, М.Ф. Юрьев. М.: Наука. С. 17–32.

Перепёлкин Ю.Я. 2001. История Древнего Египта. СПб.: Журнал «Нева», Летний сад.

Першиц А.И. 1968. Общественный строй туарегов Сахары в XIX в. // Разложение родового строя и формирование классового общества / ред. А.И. Першиц. М.: Наука. С. 320–355.

Петкевич К. 2006а. Великое княжество Литовское // РГАА. С. 304–334.

Петкевич К. 2006б. Казачье государство // РГАА. С. 280–303.

Платонов С.Ф. 1994. Лекции по русской истории. М. Т. 1, 2.

Попов В.А. 1995а. Политогенетическая контроверза, параполитейность и феномен вторичной государственности // РФПО. С. 188–204.

Попов В.А. (ред.) 1995б. РФПО.

Попов В.А. 2000. Предисловие // РФСО. С. 3–7.

Райс Т.Т. 2004. Скифы. Строители степных пирамид: пер. с англ. М.: ЗАО «Центрполиграф».

Ратцель Ф. 1902. Народоведение: в 2 т.: пер. с нем. СПб.: Типография товарищества «Просвещение».

Риттер Э.А. 1968. Чака Зулу. Возвышение зулусской империи: пер. с англ. М.: Наука.

Рыбаков Б.А. 1966. Русь в эпоху «Слова о полку Игореве». Обособление самостоятельных русских княжеств в XII — начале XIII в. // ИДВНД. Т. 1. С. 573–639.

Рыбаков Б.А. 1987. Мир истории. Начальные века русской истории. М.: Молодая гвардия.

- Садаев Д.С.* 1979. История Ассирии. М.: Наука.
- Салинз М.Д.* 1999. Экономика каменного века: пер. с англ. М.: ОГИ.
- Санников С.В.* 2002. Структурно-компаративная типология древнегерманских обществ (по данным письменных источников) // Труды XI Междунар. науч. студенческой конф. «Студент и научно-технический прогресс» / ред. С.Г. Пятков. Новосибирск: НГУ. С. 59–66.
- Санников С.В.* 2003. Развитие ранних форм королевской власти у германских народов: особенности политогенеза // История и социология государства / ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: НГУ. С. 36–54.
- Саутхолл Э.* 2000. О возникновении государства // АПЦ. С. 130–136.
- Сергеева Г.А.* 1988. Даргинцы // НМ. С. 151.
- Сиротенко В.Т.* 1975. История международных отношений в Европе во второй половине IV — начале VI в. Пермь: ПГУ.
- СИЭ 1966. Маробод. Т. 9. С. 123.
- СИЭ 1967. Арминий. Т. 1. С. 746.
- СИЭ 1969а. Саксы. Т. 12. С. 478–480.
- СИЭ 1969б. Саксонская правда. Т. 12. С. 475.
- Скальчик П.* 1991. Понятие «политическая система» в западной социальной антропологии // СЭ. № 3. С. 144–146.
- Скрынникова Т.Д.* 1997. Харизма и власть в эпоху Чингисхана. М.: Восточная литература.
- Смирнов А.Р.* 1966. Скифы. М.: Наука.
- Стеблин-Каменский М.И.* 1971. Мир саги. Л.: Наука.
- Тантлевский И.Р.* 2004. История Израиля и Иудеи в эпоху Первого Храма. Первая половина I тысячелетия до н. э. // ИДВ. С. 421–485.
- Тевено Э.* 2002. История галлов: пер. с фр. М.: Весь мир.
- Тиханова М.Ф.* 1958. Готы в Причерноморских степях // Очерки истории СССР III–IX вв. / ред. Б.А. Рыбаков. М.: АН СССР.
- Тиханова М.Ф.* 1963. Готы // СИЭ. Т. 4. С. 667–668.
- Тишков В.А.* 1988. Гуроны // НМ. С. 148.
- Токарев С.А.* 1980. Ранние формы религии. М.: Политиздат.
- Токарев С.А., Толстов С.П.* (ред.). 1956. Народы Австралии и Океании. М.: Изд-во АН СССР.
- Тумаркин Д.Д.* 1964. Вторжение колонизаторов в «край вечной весны». М.: Наука.
- Тумаркин Д.Д.* 1971. Гавайский народ и американские колонизаторы. 1820–1865. М.: Наука.
- Удальцова З.В.* 1967. Остготы // СИЭ. Т. 10. С. 654.
- Файрсервис В.* 1986. К вопросу о происхождении Хараппской цивилизации // Древние цивилизации Востока. Ташкент: ФАН. С. 188–199.

- Федоров Г.В., Полевой Л.Л.* 1984. «Царства» Бурбисты и Децебала: союзы племен или государства? // ВДИ. № 7. С. 58–80.
- Фентон У.Н.* 1978. Ирокезы в истории: пер. с англ. // Североамериканские индейцы / ред. Ю.П. Аверкиева. М.: Прогресс. С.109–156.
- Филатов И.* 1965. Исландия // СИЭ. Т. 6. С. 341–348.
- Филип Я.* 1961. Кельтская цивилизация и ее наследие: пер. с чеш. Прага.
- Французов С.А.* 2000. Общество Райбуна // АПЦ. С. 302–312.
- Фролов Э.Д.* 1986. Рождение греческого полиса // Становление и развитие раннеклассовых обществ (город и государство) / ред. Г.Л. Курбатов, Э.Д. Фролов, И.Я. Фроянов. Л.: ЛГУ. С. 8–99.
- Фроянов И.Я.* 1999. Киевская Русь: главные черты социально-экономического строя. СПб.: СПбГУ.
- Хазанов А.М.* 1975. Социальная история скифов. М.: Наука.
- Хазанов А.М.* 2006. Кочевники евразийских степей в исторической ретроспективе // РГАА. С. 468–489.
- Хазанов А.М.* 2008. Кочевники и внешний мир. 4-е изд., доп. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ.
- Хизриева Г.А.* 2002. Формирование исландской этнокультурной общности в эпоху Средневековья // Природа и самоорганизация общества / ред. Э.С. Кульпин. М.: Московский лицей. С. 78–92.
- Хорошкевич А.Л.* 1966. Образование единого Российского государства // ИДВНД. С. 105–141.
- Хьюльмарссон Й.Р.* 2003. История Исландии: пер. с англ. М.: Весь мир.
- Шинаков Е.А.* 2002. Образование Древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. Брянск: БГУ.
- Шкунаев С.В.* 1988. Кельты в Западной Европе в V–I вв. до н. э. // История Европы / отв. ред. Е.С. Голубцова. М.: Наука. Т. 1: Древняя Европа. С. 492–503.
- Шкунаев С.В.* 1989. Община и общество западных кельтов. М.: Наука.
- Шкунаев С.В.* 1990. Раннеирландская традиция и языческое прошлое: проблемы и перспективы изучения // ВДИ. № 3. С. 34–48.
- Шнирельман В.А.* 1980. Происхождение скотоводства. М.: Наука.
- Штаерман Е.М.* 1951. Древняя Галлия. Обзор послевоенной буржуазной историографии // ВДИ. № 1 (35). С. 209–215.
- Штаерман Е.М.* 1989. К проблеме возникновения государства в Риме // ВДИ. № 2. С. 76–94.
- Штырбул А.А.* 2006. Безгосударственные общества в эпоху государственности (III тыс. до н. э. — II тыс. н. э.). Омск: Изд-во Омского гос. пед. ун-та.
- Штырбул А.А.* 2007. В поисках загадочной республики. Омск.

- Щетенко А.Я.* 1979. Первобытный Индостан. Л.: Наука.
- Щукин М.Б.* 2005. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.: Филол. фак-т СПбГУ.
- Эванс-Причард Э.Э.* 1985. Нуэры: пер. с англ. М.: Наука.
- Якобсон В.А.* 1997. Государство как социальная организация (теоретические проблемы) // Восток. № 1. С. 5–15.
- Янковская Н.Б.* 1989. Ашшур, Митанни, Аррапхэ // ИДМ. Кн. 1: Ранняя древность. С. 174–197.
- Янковская Н.Б.* 2010. Ойкумена амарнской эпохи и Крит // История и современность. № 1. С. 35–60; № 2. С. 63–85.
- Alexeev I.L., Beliaev D.D., Bondarenko D.M.* (eds.). 2004. Hierarchy and Power in the History of Civilizations. Abstracts of the 3rd International Conference (Moscow, June 18–21, 2004). Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies.
- Ambrosino J.N.* 1995. Inter-Societal Contact and the Rise of the State: A Brief Note Work in Progress // APES. P. 54–59.
- Bargatzky T.* 1985. Person Acquisition and the Early State in Polynesia // DD. P. 290–310.
- Bargatzky T.* 1987. Upward Evolution, Suprasystemic Dominance, and the Mature State // ESD. P. 24–38.
- Beliaev D.D., Bondarenko D.M., Frantsouzoff S.A.* (eds.). 2002. Hierarchy and Power in the History of Civilizations. Moscow: IAF RAN.
- Bellwood P.* 1987. The Polynesians. Prehistory of an Island People. L.: Thames and Hudson.
- Bondarenko D.M.* 2000. “Homologous Series” of Social Evolution and Alternatives to the State in World History (An Introduction) // ASE. P. 213–219.
- Bondarenko D.M.* 2006. Homoarchy: a Principle of Culture’s Organization. The 13th–19th Centuries Benin Kingdom as a Non-State Supercomplex Society. Moscow: KomKniga.
- Bondarenko D.M., Grinin L.E., Korotayev A.V.* 2002. Alternative Pathways of Social Evolution // SEH. № 1 (1). P. 54–79.
- Bondarenko D.M., Korotayev A.V.* 2000a. Introduction // CMP. P. 5–34.
- Bondarenko D.M., Korotayev A.V.* (eds.). 2000b. CMP.
- Bondarenko D.M., Sledzevsky I.V.* (eds.) 2000. Hierarchy and Power in the History of Civilizations. International Conference (Moscow, June 15–18, 2000): Abstracts. Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies.
- Carneiro R.L.* 1970. A Theory of the Origin of the State // Science. Vol. 169. P. 733–738.
- Carneiro R.L.* 1978. Political Expansion as an Expression of the Principle of Competitive Exclusion // OS. P. 205–223.

Carneiro R.L. 1981. The Chieftdom: Precursor of the State // The Transition to Statehood in the New World / eds. G.D. Jones, R.R. Kautz. Cambridge: Cambridge University Press. P. 37–79.

Carneiro R.L. 2000. The Muse of History and the Science of Culture. N.Y.: Kluwer Academic / Plenum Publishers.

Chabal P., Feinman G., Skalnik P. 2004. Beyond States and Empires: Chieftdoms and Informal Politics // SEH. № 3 (1). P. 21–38.

Chadwick N. 1987. The Celts. L.: Penguin Books.

Claessen H.J.M. 1978. The Early State: A Structural Approach // ES. P. 533–596.

Claessen H.J.M. 1989. Evolutionism in Development // Vienne Contributions to Ethnology and Anthropology. Vol. 5. P. 231–247.

Claessen H.J.M. 1996. Ideology and the Formation of Early States: Data from Polynesia // IFES. P. 339–358.

Claessen H.J.M. 2000. Structural Change: Evolution and Evolutionism in Cultural Anthropology. Leiden: CNWS Press.

Claessen H.J.M. 2002. Was the State Inevitable? // SEH. № 1. P. 101–117.

Claessen H.J.M. 2004. Was the State Inevitable? // ESAA. P. 72–87.

Claessen H.J.M. 2006. War and State Formation — Is there a Connection? // Warfare and Society. Archaeological and Social Anthropological Perspectives / eds. T. Otto, H. Thrane, H. Vandkilde. Aarhus: Aarhus University Press. P. 217–226.

Claessen H.J.M. 2010. On Early States — Structure, Development, and Fall // SEH. № 9 (1). P. 3–51.

Claessen H.J.M., Oosten J.G. 1996. Introduction // IFES. P. 1–23.

Claessen H.J.M., Skalnik P. 1978a. Limits: Beginning and End of the Early State // ES. P. 619–636.

Claessen H.J.M., Skalnik P. 1978b. The Early State: Theories and Hypotheses // ES. P. 3–29.

Claessen H.J.M., Skalnik P. 1978c. The Early State: Models and Reality // ES. P. 637–650.

Claessen H.J.M., Skalnik P. (eds.). 1978d. ES.

Claessen H.J.M., Skalnik P. 1981. Ubi sumus? The Study of the State Conference in Retrospect // SS. P. 469–510.

Claessen H.J.M., Velde P. van de. 1987. Introduction // ESD. P. 1–23.

Clark G., Piggott S. 1970. Prehistoric Societies. Harmondsworth, Middlesex, UK: Penguin Books Ltd.

Cohen R. 1981. Evolution, Fission and Early State // SS. P. 96–112.

Crone P. 1989. Pre-Industrial Societies. Oxford; Cambridge: B. Blackwell.

Crumley C.L. 1995. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies // HACC. P. 1–15.

Crumley C.L. 2001. Communication, Holism, and the Evolution of Sociopolitical Complexity // FLR. P. 19–33.

Davenport W. 1969. The “Hawaiian Cultural Revolution”: Some Political and Economic Considerations // AA. № 71. P. 1–20.

Diamond J. 1999. Guns, Germs, and Steel. The Fates of Human Societies. N.Y., L.: W.W. Norton & Company.

Doornbos M.R. 1994. Early State Formation and the Present: Reflections on Identity and Power // Pivot politics: Changing Cultural Identities in Early State Formation Processes / eds. M. van Bakel, R. Hagesteijn, P. van de Velde. Amsterdam: Het Spinhuis. P. 281–295.

Earle T.K. 1997. How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory. Stanford, CA: Stanford University Press.

Earle T.K. 2000. Hawaiian Islands (AD 800–1824) // CMP. P. 73–86.

Ehrenreich R.M., Crumley C.L., Levy J.E. (eds.). 1995. Heterarchy and the Analysis of Complex Societies. Washington, DC: American Anthropological Association.

Ember C.R., Ember M. 1999. Anthropology. 9th ed. Upper Saddle River, NJ: Prentice Hall, Inc.

Feinman G.M. 1998. Scale and Social Organization: Perspectives on the Archaic State // AS. P. 95–133.

Fortes M., Evans-Pritchard E.E. 1987/1940. Introduction // APS. P. 1–24.

Frantsuzov S.A. 2000. The Society of Raybūn // ASE. P. 258–265.

Gledhill J. 1994. Power and its Disguises: Anthropological Perspectives on Politics. L.; Chicago, IL: Pluto Press.

Gluckman M. 1960. Tribalism in Modern British Central Africa // Cahiers d’Etudes Africaines. № 1 (1). P. 55–70.

Grinin L.E. 2002. General Context of the Social Evolution at the Early State Formation. Volgograd: Uchitel.

Grinin L.E. 2003. The Early State and its Analogues // SEH. № 1. P. 131–176.

Grinin L.E. 2004a. Democracy and Early State // SEH. № 3 (2). P. 93–149.

Grinin L.E. 2004b. Early State and Democracy // ESAA. P. 419–463.

Grinin L.E. 2004c. The Early State and Its Analogues: A Comparative Analysis // ESAA. P. 88–136.

Grinin L.E. 2008a. Early State, Developed State, Mature State: Statehood Evolutionary Sequence // SEH. № 7 (1). P. 67–81.

Grinin L.E. 2008b. Early State in the Classical World: Statehood and Ancient Democracy // Hierarchy and Power in the History of Civilizations: Ancient and Medieval Cultures / eds. L.E. Gri-

nin, D.D. Beliaev, A.V. Korotayev. Moscow: URSS, KomKniga. P. 31–84.

Grinin L.E. 2009. The Pathways of Politogenesis: Early States Analogues and Models of Early States // SEH. № 8 (1). P. 92–132.

Grinin L.E., Carneiro R.L., Bondarenko D.M., Kradin N.N., Korotayev A.V. (eds.). 2004. ESAA.

Grinin L.E., Korotayev A.V. 2006. Political Development of the World System: A Formal Quantitative Analysis // History and Mathematics. Historical Dynamics and Development of Complex Societies / eds. P. Turchin, L. Grinin, V.C. de Munck, A. Korotayev. Moscow: URSS. P. 63–114.

Grinin L.E., Korotayev A.V. 2009. The Epoch of Primary Politogenesis // SEH. № 8 (1). P. 52–91.

Haas J. 2001. Nonlinear Paths of Political Centralization // FLR. P. 235–243.

Harris M. 1995. Cultural Anthropology. 4th ed. N.Y.: Addison-Wesley.

Hunter Blair P. 1966. Roman Britain and Early England 55 B.C. — A.D. 871. N.Y.; L.: W.W. Norton & Company.

Irons W. 2004. Cultural Capital, Livestock Raiding, and the Military Advantage of Traditional Pastoralists // ESAA. P. 466–475.

Janssen J.J. 1978. The Early State in Ancient Egypt // ES. P. 213–234.

Johnson A.W., Earle T.K. 2000. The Evolution of Human Societies: From Foraging Group to Agrarian State. 2nd ed. Stanford, CA: Stanford University Press.

Johnson G. 1981. Monitoring Complex System Integration and Boundary Phenomena with Settlement Size Data // Archaeological Approaches to the Study of Complexity / ed. S.E. van der Leeuw. Amsterdam: van Giffen Instituut voor Prae-en Protohistorie. P. 144–188.

Khazanov A.M. 1978. The Early State among the Scythians // ES. P. 425–439.

Korotayev A.V., Kradin N.N., de Munck V., Lynsha V.A. 2000. Alternatives of Social Evolution: Introductory Notes // ASE. P. 12–51.

Kottak C.Ph. 1980. The Past in the Present; History, Ecology and Cultural Variation in Highland Madagascar. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.

Kowalewski S.A., Nicolas L., Finsten L., Feinman G.M., Blanton R.E. 1995. Regional Restructuring from Chiefdom to State in the Valley of Oaxaca // APES. P. 93–99.

Kradin N.N. 1995. The Transformation of Political Systems from Chiefdom to State: The Mongolian Example // APES. P. 136–143.

Kradin N.N., Bondarenko D.M., Barfield T.J. (eds.). 2003. *Nomadic Pathways in Social Evolution*. Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies.

Kradin N.N., Korotayev A.V., Bondarenko D.M., de Munck V., Wason P.K. (eds.). 2000. *ASE*.

Kradin N.N., Lynsha V.A. (eds.). 1995. *APES*.

Kurtz D. 1978. *The Legitimation of Aztec State* // *ES*. P. 169–189.

Lal B.B. 1984. *Some Reflections on the Structure Remains at Kalibangan* // *Frontiers of the Indus Civilization*. New Delhi: Books and Books. P. 55–62.

Leach E.R. 1970. *Political Systems of Highland Burma*. Boston: Beacon Press.

Leeson P.T. 2007. *An-arrgh-chy: The Law and Economics of Pirate Organization*. Department of Economics. West Virginia University // URL: <http://www.peterleeson.com/An-arrgh-chy.pdf>

Lelioukhine D.N. 2000. *State and Administration in Kautilya's "Arthashastra"* // *ASE*. P. 266–272.

Lloyd P. 1981. *West African Kingdoms and the Early State: A Review of Some Recent Analyses* // *SS*. P. 223–238.

Lozny L. 1995. *The Transition to Statehood in Central Europe* // *APES*. P. 84–92.

Marcus J., Feinman G.M. 1998. *Introduction* // *AS*. P. 3–13.

Marey A.V. 2000. *The Socio-Political Structure of the Pechenegs* // *ASE*. P. 289–293.

McIntosh S.K. 1999. *Pathways to Complexity: an African Perspective* // *BC*. P. 1–30.

Mishra P., Mishra J. 2002. *Strategy of Power Sharing in Ancient India: With Special Reference to Kautilya's Arthashastra* / Paper presented at the International Conference "Hierarchy and Power in the History of Civilizations" (St. Petersburg, July 4–7).

Oosten J. 1996. *Ideology and the Development of European Kingdoms* // *IFES*. P. 225–247.

Patterson T.C. 1995. *Gender, Class and State Formation in Ancient Japan* // *APES*. P. 128–135.

Pokora T. 1978. *China* // *ES*. P. 191–212.

Possehl G.L. 1998. *Sociocultural Complexity without the State: The Indus Civilization* // *AS*. P. 261–292.

Sahlins M.D. 1972a [1958]. *Social Stratification in Polynesia*. Seattle; L.: University of Washington Press.

Sahlins M.D. 1972b. *Stone Age Economics*. N.Y.: Aldine de Gruyter.

Schaedel R. 1995. *The Temporal Variants of Proto-State Societies* // *APES*. P. 47–53.

Seaton L. 1978. *The Early State in Hawaii* // *ES*. P. 269–287.

- Service E.R.* 1975. *Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution.* N.Y.: Norton.
- Shifferd P.A.* 1987. Aztecs and Africans: Political Processes in Twenty-Two Early States // ESD. P. 39–53.
- Skrynnikova T.D.* 2004. Mongolian Nomadic Society of the Empire Period // ESAA. P. 525–535.
- Smith M.E.* 1985. An Aspectual Analysis of Polity Formations // DD. P. 97–125.
- Southall A.* 2000. On the Emergence of States // ASE. P. 150–153.
- Spencer Ch.S.* 2000. The Political Economy of Pristine State Formation // ASE. P. 154–165).
- Tainter J.A.* 1990. *The Collapse of Complex Societies.* Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press.
- Trigger B.G.* 2001. *Early Civilizations: Ancient Egypt in Context.* Cairo: The American University in Cairo Press.
- Trepavlov V.V.* 1995. The Nogay Alternative: From a State to a Chiefdom and Backwards // APES. P. 144–151.
- Van Bakel M.* 1996. Ideological Perspectives of the Development of Kingship in the Early States of Hawaii // IFES. P. 329–345.
- Vorobyov D.V.* 2000. The Iroquois (15th–18th centuries A.D.) // CMP. P. 157–174.
- Webb M.* 1975. The Flag Follows Trade: An Essay on the Necessary Interaction of Military and Commercial Factors in State Formation // ACT. P. 155–210.
- Weber M.* 1947. *The Theory of Social and Economic Organization.* N.Y.: Free Press.
- Wittfogel K.A.* 1957. *Oriental Despotism.* New Haven: Yale University Press.
- Wright H.T.* 1977. Recent Research on the Origin of the State // ARA. Vol. 6. P. 379–397.
- Wright H.T.* 2006. Atlas of Chiefdoms and Early States // URL: <http://repositories.cdlib.org/imbs/socdyn/sdeas/vol1/iss4/art1/>.
- Zin'kovskaya I.V.* 2004. The Hermanarich Kingdom: Between Barbarity and Civilization // Hierarchy and Power in the History of Civilizations. Abstracts of the 3rd International Conference (Moscow, 18–24 June, 2004) / eds. I.V. Sledzevsky [et al.]. Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies. P. 84–85.